

ИСКРКА

6 ИЮНЬ
1986

ИСКОРКА

6 ИЮНЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
„Ленинские
искры“;
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Иван ВИНОГРАДОВ

Верная своей традиции, «Искорка» каждый год 6 июня отмечает день рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Вместе с ленинградским писателем Иваном Ивановичем Виноградовым пройдем мы по Псковской земле. Михайловское, Тригорское, Святогоры... — эти места давно стали заповедными, и в день рождения поэта сюда приходят и приезжают сотни людей, чтобы поклониться поэзии и личности великого Пушкина. С ними сегодня и мы — читатели «Искорки».

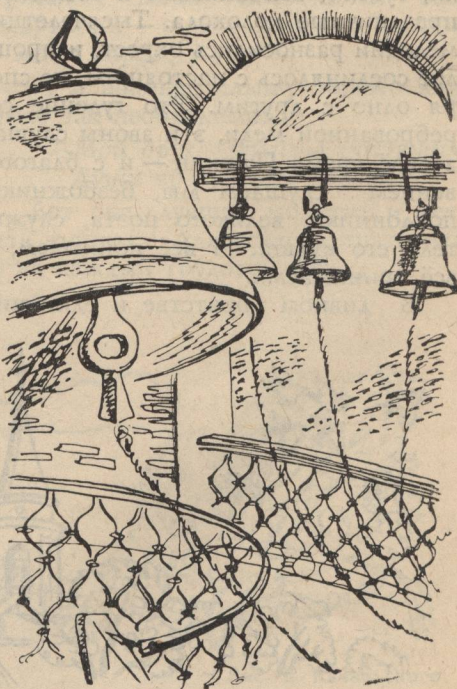
С днём рождения, Александр Сергеевич!

ВЕЧНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Мы вошли через главные ворота во двор Святогорского монастыря, и тут же в вышине ударили гулкие колокола.

Колокола загудели, заухали, растекались в поднебесье, рассыпались мелким ликующим переливчатым звоном — и как же всё изменилось вокруг, как посветлело, расширилось, как отозвалось в душе! Это был позабытый нами, а для кого-то и вовсе не слышанный торжественный трезвон, которым сопровождалась в старину самые большие события и празднества. Им встречали на Руси полководцев-победителей и славные войска, а теперь, здесь, торжественным трезвonom встречали участников Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии.

Через ворота вливалась во двор многолюдная, плотная, разноликая колонна притихших людей. Это было истинное шествие. Медленное, молчаливое, сосредоточенное. Мы шли к Пушкину, к его последнему пределу

и приюту. Шли поклониться его могиле, его жизни, его судьбе. Поднимались по древним каменным ступеням к не менее древним стенам монастыря, помнящим так много, что всего не уместить даже в такую великую драму, как «Борис Годунов»... У этих же стен завершилась впоследствии и драма жизни самого Пушкина... И живёт в памяти трагедия последней войны... И не чужд многострадальной здешней земле драматизм сегодняшнего беспокойного бытия.

Мы шли в молчании, а в высоком июньском небе и рядом с нами, в каменной оболочке собора, всё звенели, гудели, вызванивали и звенькали праздничные колокола. Тысячелетние мелодии разносились окрест, и прошлое соединялось с настоящим, не споря одно с другим. Это гудение серебрянной меди, эти звоны слушал в своё время Пушкин — и с благоговением слушаем мы, безбожники, поклонники великого поэта, служители его культа. И всё понимаем, и всё принимаем...

В дивном братстве и единении

идут в этот день к Пушкину гости четырёх континентов Земли — Европы, Азии, Африки, Америки. Здесь мы все успели перезнакомиться и даже сродниться — стали родными через Пушкина. Думаю, что и мысли наши сегодня родственны, ибо они — о Пушкине и от Пушкина, а Пушкин для всех — свой.

Мне кажется, что одинаково со мной думают сейчас на своём древнем языке молчаливые индусы — их двое на нашем празднике.

Непроницаемы лица арабов, но посмотришь на них и видишь — сегодня эти люди исповедуют одну с нами веру.

Эфиоп вообще чувствует себя здесь близким родственником, своим человеком и всё всматривается, всматривается в толпу удивлённо счастливыми кофейными глазами, будто ищет потерявшихся, отбившихся от него свойственников.

Я иду рядом с известным монгольским поэтом, членом Всемирного Совета мира: мы только что говорили о его стране, а теперь молчим, слушаем. Может быть, вечность слушаем.

Кубинская поэтесса, всегда общительная и весёлая, выглядит здесь немного растерянной.

Серьёзен и строг чех, склонный обычно к иронии.

Белорусский поэт, вижу, растроган не меньше моего, только он помоложе и нервы у него покрепче.

А у меня уже беспрепятственно и тепло, щекоча кожу щеки, катится слеза восторга и сопричастности.

И ещё я замечаю, что рядом со мной семенит, спотыкаясь и задыхаясь, моё деревенское детство, в этих же краях пробежавшее. По этой же земле. Босыми ногами... Я ещё с тех давних пор помню эти монастырские стены. Как-то мы проезжали вдоль них с отцом на телеге, и мой родитель, перекрестившись на собор, прошептал про себя какую-то недлинную, непонятную мне молитву. Он знал их множество — для всякого праздника и для любого случая, даже для всякого настроения. В его нелёгкое время, наверно, ему было легче жить с этими шептаниями, но я, уже школьник, стыдился его дремучести.

И пока он отдавал дань своей отсталости, я смотрел, чуть отвернувшись, на длинную монастырскую стену, что тянулась рядом с дорогой. И потому хорошо её запомнил.

Сегодня я не стал бы стыдиться отца своего и его старомодности. Сегодня мне и самому нужны здесь какие-то особенные, высокие, проникновенно звучащие слова... Только где же их взять вот так, с ходу?

...Колокола внезапно умолкают. Мы обтекаем могилу Пушкина, становимся вокруг неё.

Произносятся разноязыкие негромкие речи.

Как хорошо говорят сегодня эти приезжие люди, поклонники бессмертного, — о нём самом, о России, о моём народе!

И я наконец слышу то, что мне было так необходимо:

*Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Вот она, лучшая молитва и вечная заповедь! Для всякого праздника и на каждый трудовой день...

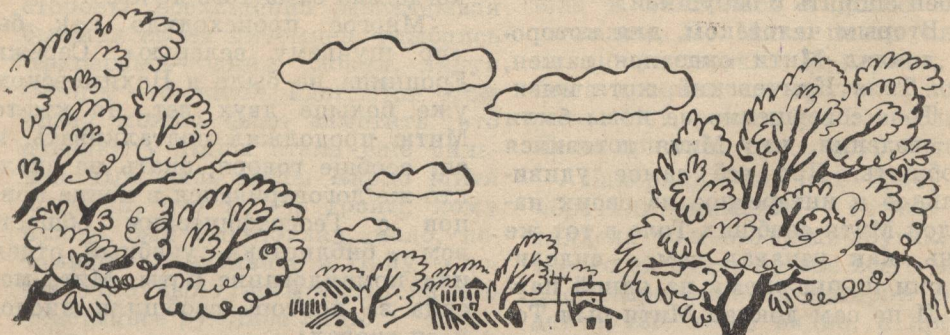

Рис. В. Качальского

МИХАИЛ ГАЙНКА
**ПЕТРОВСКАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ**

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ III

РИСУНКИ
Ю. ШАБАНОВА

**ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

Митя готовился к этому докладу года два... Или три? Во всяком случае, за это долгое время ему не раз приходила в голову мысль, что пора бы и бросить. И хотя всё, что он мог начертить и написать, написал и начертил, и доклад (теперь уже Митя не боялся называть его докладом) был готов, но если бы не отношение к этому докладу троих людей, то Митя всё-таки не стал бы его доделывать.

Первым таким человеком была, конечно, бабушка. Бабушкино отношение ко всякому начатому делу было известно Мите давно.

— Докончи, — просила она. — Не бросай на полпути.

Митя уступил. Чем старше он становился, тем меньше был способен спорить с бабушкой.

Вторым человеком, для которого доклад Мити оказался важен, был Толя Кричевский, хотя именно Толе совершенно не новы были те сведения, что Митя готовился сообщать. Про всё самое удивительное и интересное из своих находок Митя сообщал Толе в тот же день, как узнавал сам, — сидели они по-прежнему на одной парте. И не сам доклад Мити был То-

ле интересен, а важно было для Толи то, что Митя, как сказал Толя, делал «опыт прыжка выше своей головы». Для чего-то Толе эта идея прыжка была страшно нужна.

Но раз доклад Мити стал важен для Толи, то он стал важен и для Митиной троюродной сестры. Время, когда Митя считал Надю пустышкой, давно прошло. Надя теперь всегда как бы стояла немного сзади Толи, но глядела вперёд, ему через плечо, словно прямо перед Толей была круча или обрыв, а Толя стоял на самом краю. Если они улыбались, так чему-то своему, но чаще бывало так, что кругом смеются, а они — серьёзные. Надя очень вытянулась, из весёлой картавой пустосмешки всё больше превращаясь в девушку, которую можно рассмешить лишь тогда, когда она сама того хочет.

Многое происходило как бы «по щучьему веленью». Серёжи Еропкина не было в Нахимовском уже больше двух лет, но кто-то Митю продолжал подталкивать, и он, вообще говоря, знать не знал, кто же договаривался в конце концов с Географическим обществом — библиотека, учебный отдел или командование роты. Мите месяца за полтора сообщили число, и он сказал:

— Есть. Буду готов.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5.

Лестница в Географическом обществе начиналась как винтовая, лишь потом распрямляясь в обыкновенную, перила её из-за этого снабжены были старинной загогулиной, которая предохраняла входившего на эту лестницу от крутой и неудобной её части, где ступеньки сбегались веером вместе. Эта загогулина перил почему-то успокоила Митю. Удобно? Крепко? Старички-географы не споткнулись? Вот и хорошо.

На лестнице висели портреты великих путешественников и учёных странников, в зале — тоже. Зал был человек на шестьдесят. Желтоватого дерева жёсткие кресла, огромная бронзовая люстра, белая дверь с чёрной табличкой «Президент».

Зал стал заполняться.

Всех, неожиданно всех собрал Митя в это здание с первым этажом из серого грубого гранита.

Пришёл Тулунбаев, появился Глазмицкий, явился полковник Мышкин, да не один, а с женой, жена у Мышкина оказалась огромного роста, но Мышкин совершенно уверенно вещал снизу вверх, а она почтительно слушала, наклоняя к нему голову. Им даже не надо было идти совсем рядом или под руку, такой неразъёмной парой они казались.

Неожиданно пришёл Папа Карло. Они видели теперь его очень редко, и Митя сразу возликовал. Что-то в Папе Карло было такое, отчего все сразу потянулись к нему, и Папа поворачивался во все стороны, восхищённо разглядывая бывших своих питомцев, улыбаясь офицерам — одним словом, ликуя оттого, что жизнь идет. При этом сразу можно было заметить, что одышка у Папы стала ещё сильнее. При виде Папы Карло Митя подумал, что к тем трем, кому нужен был его доклад, надо, несомненно, прибавить и Папу — достаточно было посмотреть на его счастливое румяное лицо.

Старшина Седых сопровождал из училища тех, кто хотел послу-

шать Митин доклад. Среди них был и Шурик. Шурик заглянул в дверь, увидел, что Митя прикалывает свои картинки и диаграммы на доску, и произнёс ломающимся голосом:

— Во даёт профессор!

За спиной Шурика стояла его девочка. Девочка во все глаза смотрела на Митю. Вот так у них и чередовалось — когда-то Митя глаза проглядел, добываясь того, чтобы она на него посмотрела, так она делала вид, что его не замечает. Потом, на том вечере, вроде бы не только узнала, так даже подзывала его своими взглядами, но стоило Мите решиться подойти, как она ускользнула. Затем, при встрече в парке, она опять сделала вид, что Митя ей незнаком, да ещё так обидно это сделала, что он потом непрестанно думал о ней ещё долго. А теперь вдруг перестал думать. Вот уже с год, наверное, как он увидел в их дворе на Васильевском острове, там, где они с бабушкой жили, одну девочку. Он узнал, что зовут её Леной, что они почти ровесники, но Лена казалась ему гораздо старше — она была такая ловкая, лёгкая, а Митя... Что только стало с его руками и ногами? Они мешали ему, зацеплялись за всё, что ни попадалось, Митя чувствовал себя страшно неуверенным даже поблизости от Лены, не то что рядом с ней. Он никак не мог заставить себя подойти к ней, но как тянуло! А сейчас, будто никогда в жизни не обижала его эта танцующая, глазастенькая, — вошла и впялилась в Митю своим взглядом. Но Митя почти ничего не почувствовал. Во-первых, это была девочка его друга, а во-вторых... Нет, решил он. Вот если бы Лена пришла, тогда другое дело.

Балерина — на неё сразу все обратили внимание — тотчас разглядела то место среди других, с которого ей будет лучше всего видно и одновременно на котором её будет лучше всего видно, и прошла туда, ступая по-балетному, села легко, как бабочка, заплела нож-

ки, а за ней угрюмо проследовал Шурик. Он в последнее время почему-то всё больше мрачнел. У Мити с ним по-прежнему были самые добрые отношения, непроявленная в словах дружба, но Шурик теперь всё, что видел, пропускал через какой-то тёмный фильтр. Шурик что-то буркнул своей балеринке, она красиво и легко к нему повернулась, переспросила, при этом губы её двигались очень отчётливо, как для киноэкрана.

В зал вошёл Серёжа Еропкин.

Серёжа уже давно перешёл из Нахимовского в Высшее училище, сейчас он был курсантом третьего курса, и Митя вдруг подумал, что в каком-то смысле они сейчас уже почти ровня, — Митя перешёл на старшие курсы, а Серёжа где-то ещё в середине своего, правда высшего, но довольно-таки обыкновенного училища, их в одном Ленинграде считать — пальцев не хватит... Серёжа Еропкин стоял в дверях, и Мите показалось, хоть он уже очень волновался — с минуты на минуту надо было начинать, — что именно Серёжа сейчас нуждается в его, Митином, покровительстве. Митя пошёл навстречу Серёже и взял в обе руки его руку. Они посмотрели друг другу в глаза. Но заглянув Серёже в глаза, Митя понял: не даст Серёжа себя жалеть, хотя и видно, как замотала его учёба в высшем училище — от великолепия прежнего Серёжи не осталось и следа.

— Иди, иди! — сказал Серёжа и выпростал свою руку. — Послушаем, что ты там...

В зале появились какие-то совсем незнакомые Мите люди, некоторые из них были с бородами. Они вынимали блокноты, надевали очки, готовились слушать серьёзный доклад... Митя не рассчитывал на присутствие таких слушателей. Незнакомые люди смотрели на Митю, явно недоумевая: почему у кафедры докладчика толчется этот мальчик в морской форме. Один из них даже спросил что-то у другого, показав

на Митю подбородком, — тот пожал плечами. Вероятно, они думали, стоит ли оставаться. Однако новые люди всё приходили и приходили. Зал заполнился. Пришли ещё несколько нахимовцев — некоторых из них Митя знал, других помнил только в лицо, среди них пришёл один мальчик, которого Митя уже отличил раньше, мальчик этот был из нового набора, тощий такой паренёк... Митя невольно снова посмотрел на Серёжу Еропкина — как давно это было: шестой этаж училища, загадочная надпись «буфет» и слово «Гольфстрим», произнесённое впервые... Как давно!

Одним из последних в зал вошёл старый Рюмин, и как только он появился, стало ясно, что уж без него-то здесь обойтись было никак нельзя. Как только Рюмин вошёл, так словно сразу ожили портреты знаменитых географов и учёных-моряков, которые так обильно висели в здании, — рюминский шнурок от пенсне, тужурка, на которой из-за лацкана высывался белый эмалевый крестик с красной серединой, насмешливая багровая физиономия парусного волка... Словно сразу была отдана какая-то команда.

— Ну, что ж, пора, видимо, начинать, — сказал незнакомый Мите человек с небольшой бородкой, вставший за председательский стол. — У нас сегодня в каком-то смысле совершенно необычное собрание...

Митя ещё никогда в жизни не делал докладов. Да и когда бы он мог их делать — Мите было всего пятнадцать лет. Однако помогла Мите та система, которую вели в своём преподавании Мышкин и Глазوميцкий.

— Расскажите мне о том, как вы понимаете роман «Обломов», — говорил Мышкин. — Только не сейчас, разумеется, а через неделю. Разрешаю пользоваться следующими материалами: романами «Обрыв» и «Обыкновенная история», книгой «Фрегат „Паллада“»,

«Всех, неожиданно всех собрал Митя в это здание с первым этажом из серого гранита».

а также всем, чем захотите...

И, оказывается, через неделю они должны были быть готовыми сделать небольшой доклад.

— Даю вам задачу, — говорил Глазوميцкий, — но решение её, вернее, не решение, а исследование всех возможных подходов к ней, я попрошу вас сделать к третьей среде месяца, когда у нас с вами, как обычно, будет урок «свободной математики». Решений здесь может быть три. Если Нелидов не придумает четвёртого...

И оказывалось, что к уроку «свободной математики» тоже нужно было подготовить ответ, напоминающий небольшой доклад.

Задолго до этого дня Митя места себе не находил, а здесь сказал несколько фраз и вдруг почувствовал — ничего страшного. Он действительно много всего прочёл, и момента такого, чтобы нечего было сказать, не возникало. Напротив, всё время приходилось себя сдерживать. Начал он с общеизвестного — с того, что напомнил присутствующим об экваториальных пассатных течениях Южного полушария и о том, что огромный нагон воды в Мексиканский залив именно и рождает затем эту тёплую реку в океане.

— Тёплую и ярко-синюю, — сказал Митя и вдруг увидел, что старшина Седых, слушая его, открыл рот. Движение это было таким произвольным, что старшина сам не заметил его. Митя вспомнил, что ещё года два назад старшина часто помогал кому-нибудь на самоподготовке, теперь же, слушая старшину присутствовать на уроке математики, на лице его застывало какое-то отчуждение. До класса, в котором Митя с товарищами учился теперь, старшина не дошёл — помешала война. Открыл рот, старшина Седых слушал Митю.

— Да и само название — «галф», «стрим» — именно и означает — течение из залива, — гром-

ко произнёс Рюмин. Митя и сам собирался это сказать, но раз Рюмин его опередил, то повторять он не стал.

Сообщая о том, что мощность Гольфстрима при выходе из пролива составляет двадцать пять миллионов кубических метров в секунду, Митя посмотрел на бабушку. Бабушка вся сияла. Но на неё никогда не действовали цифры. Ей важно было лишь то, что её Митя делает доклад в Географическом обществе. Рядом с бабушкой сидел Папа Карло и сиял тоже. Вот они, как бы говорило его лицо, вот они, его ребята, которых ему тогда дали! Посмотрите! Три года назад они от станции до лагеря не могли дойти, чтобы ноги не сбить, а сейчас! И Папа Карло победно улыбался, озирая всех ликующим взглядом. Он показывал всем Митю.

Позади Папы Карло сидел Тулунбаев. Лицо старшего лейтенанта, как всегда, было непроницаемо, слушая Митю, старший лейтенант делал пометки в блокнотике. Сурово было и лицо Глазوميцкого, сидевшего рядом. Что математик думал о Мите сейчас? Локоть к локтю с Глазوميцким сидел, конечно, Мышкин. Когда Мышкины сидели, они казались почти одного роста. Они немного наклонили друг к другу головы и всё время обменивались кивками и взглядами.

— При выходе из Флоридского пролива струя Гольфстрима распространяется до глубины семисот метров, — говорил Митя, — и при ширине в семьдесят пять километров идёт со средней скоростью на поверхности от шести до десяти километров в час. Суда, которые следуют из Мексиканского залива или входят в него, должны учитывать это течение. При попутном ходе оно может дать до 150 километров выигрыша в сутки. С глубиной скорость течения уменьшается — на глубине триста метров, например, до половины...

— Ну, это уже специальные сведения для подводников, — скри-

пуче произнёс Рюмин, и по залу пробежал смехок.

Позади Рюмина, который всё время вворачивал свои реплики, сидела танцующая девочка. Она смотрела на Митю глазами, которые всё более чернели. Что такое? Что ей нужно? «Однако, наверное, я неплохо говорю, если она так смотрит». И он отвёл глаза от девочки, чтобы её всё более чернеющие зрачки ему не мешали. Шурик же смотрел в пол. На лице его застыло горьковатое, замкнутое выражение — зачем, мол, тебе это понадобилось? Зачем? «Огляделся бы ты, посмотрел бы на стены», — подумал Митя. Сам-то он и без здешних портретов помнил, что добрую половину всех наших знаменитых географов прошлого составляли моряки, да не просто моряки, а именно военные: Беринг, братья Лаптевы, Головин, Лазарев, Крузенштерн, Литке, Невельской... Но лицо Шурика было неприступно урюмо. «Ну и что, — как бы говорило оно, — ты-то здесь при чём?» Присутствие Шурика не помогало Мите, и он поскорее отвёл взгляд... Маленький нахимовец, которого Митя запомнил и отличил ещё раньше, сейчас вовсе что-то строил в тетрадке — старался записать всё, что Митя говорит. «Вот тебе-то я и передам свои записи, — подумал Митя. — Да, именно тебе».

В подготовке доклада Мите очень помогло его давнее занятие марками. Драккары викингов, каравеллы Колумба, которые Гольфстрим норовил отнести обратно в Европу, первые, ещё колёсные пароходы в их пути по Атлантике и, наконец, братья и сёстры «Титаника» — «Лузитания», «Мавритания», «Куин Мери» — все они были известны Мите по изображениям на марках. Самого «Титаника», конечно, не было: марка — дело рекламное, кто же будет рекламировать плавающую братскую могилу?

Из своих марок Митя отобрал

те, которые могли быть перевезены почтовыми судами, передвигавшимися в Гольфстриме. Вот Бермуды — профиль королевы Виктории; вот американские марки восьмидесятых годов прошлого века — бегущий почтальон, а на следующей марке той же серии вовсе несущийся велосипедист — как символ, должно быть, предельной скорости доставки почты. Вот Гаити — какие-то перекрещенные пушки и знамёна, а из всей этой реквизитной свалки почему-то торчит пальма, и прямо на пальме растёт фригийский колпак: ещё давным-давно, когда эта марка только попала к Мите, он почему-то сразу решил, что на этом острове живётся несладко... О марках Митя, конечно, не упоминал, просто так выходило, что какое-то время география, экономика, политика добирались до его сознания только через марки.

Толя Кричевский и Митина троюродная сестра, не отрываясь, смотрели на Митю, лишь иногда поворачивая друг к другу головы. На Мышкиных — вот на кого они сейчас были похожи! Но кого-то ещё напоминала Надя... Кого? Может быть, ту девочку, о которой рассказывала Мите бабушкина приятельница из Старосольска? Может быть, Митина бабушка была когда-то такой?

Митя понимал, что доклад его никакой не научный, и потому старался сделать так, чтобы те, кто его слушал, не заскучали.

Цифры сравнений — вот что его самого поражало, когда он сам читал о Гольфстриме, и сейчас он вовсе пустил их в ход. Уж чего-чего, а этого-то он за три года набрал!

— Если к Амазонке, — говорил Митя, — прибавить Обь с Иртышом, Волгу, Нил, Конго, Миссисипи, Амур, Инд, Ганг, Янцзы, Тигр и Евфрат, Дон, Неву, реку Св. Лаврентия, Тахо — взять все самые большие, все средние и все

маленькие реки и пустить их одним руслом, то и тогда они составят лишь одну двадцатую часть Гольфстрима...

Митя опять нечаянно глянул на старшину Седых. Старшина подетски, почти с ужасом слушал то, что говорил Митя. И опять никак не восприняла цифры, но опять с гордостью осмотрелась Митина бабушка — до неё донеслось только то, что вся аудитория при Митином сообщении о мощности Гольфстрима от изумления вздохнула. Географы-то присутствующие, конечно, в этом коллективном вздохе не участвовали, но всё равно вздох получился общим.

Мышкин учил Митю не зря — Митя строил свой доклад по некоторому сюжету: назвав гигантскую цифру перемещающихся масс тёплой воды, он направил теперь этот колоссальный поток тепла на север — туда, где это тепло так долгожданно и необходимо. Митин Гольфстрим, как живое существо, катился на север, навстречу холодному Лабрадорскому течению. И вот встреча — битва тепла с холодом, густые туманы висят над вечным полем боя. Встреча арктических сил с тропическими, на грани их клубятся и плодятся колоссальные косяки рыбы, тропики гонят и гонят к мысу Гаттераса новые кубические километры тёплой воды, Гренландия посылает на поле боя айсберги...

— Эти вестники судьбы, беды и сюжета... — громко пробормотали из зала. На сей раз это был уже не Рюмин, это был согласно кивающий Мите Мышкин. И огромная женщина рядом с полковником согласно наклонила голову.

Даже научные сотрудники, так Митя назвал про себя всех неизвестных, теперь слушали его внимательно. Да уж одно то, что они не ушли сразу, — и то такое было для Мити достижение! Мальчик же записывал всё, что успевал.

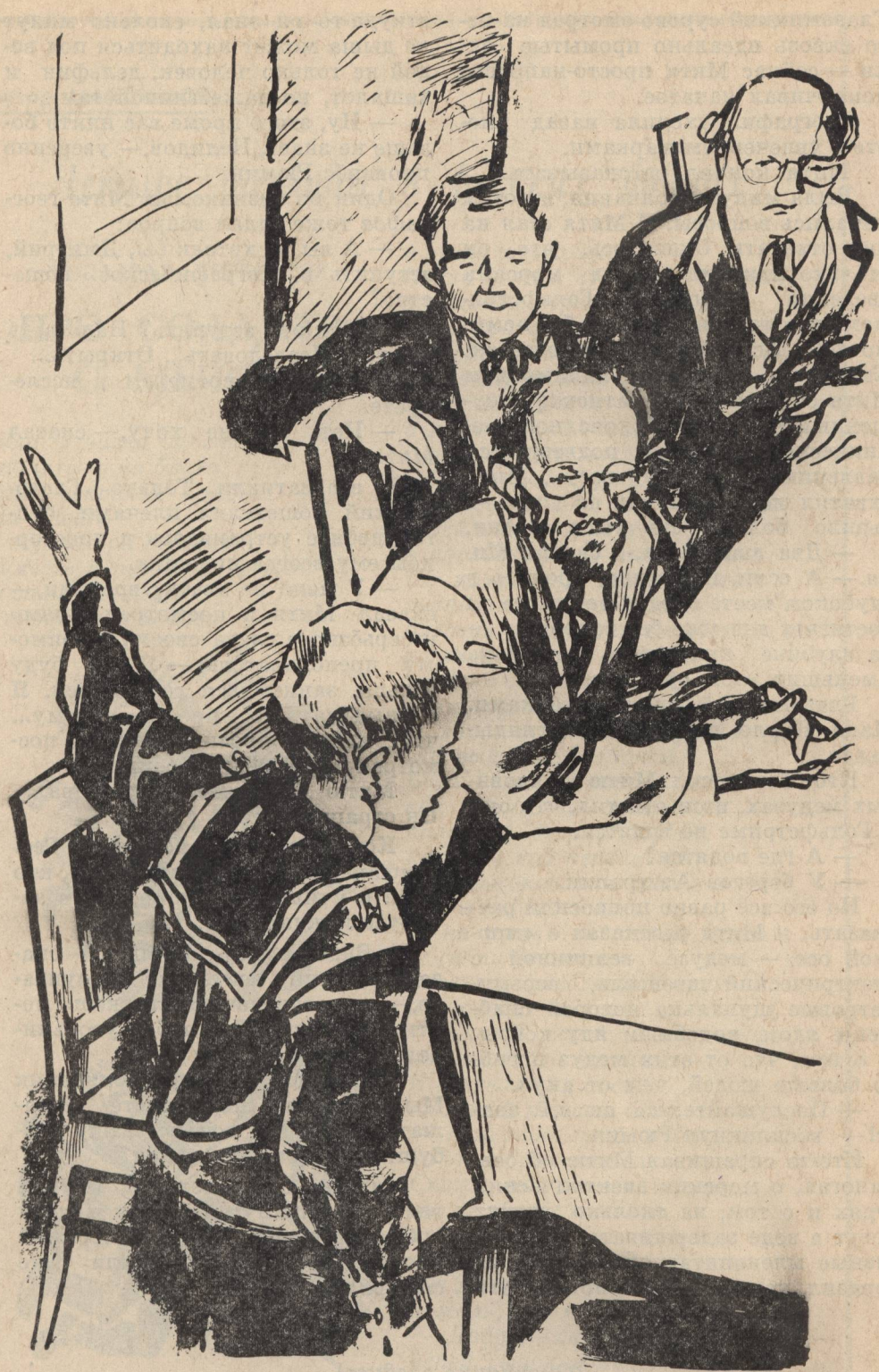
Выйдя из той зоны, где мореплавателя могли подстергать коварные ледяные горы, Митя дви-

нулся к берегам Европы, и по мере продвижения дно океана покрывалось под Гольфстримом кварцевым песком и частичками тропических глин, останками рыб и моллюсков. Пройдя Бискайский залив, где Гольфстриму было разрешено в последний раз показать свою глубокую мощную синеву, Митя двинул своё течение к берегам Северной Европы, дабы позаботиться о её круглогодичном климате. И умеренный, тёплый и влажный климат, столь способствующий развитию постоянной, устойчивой и не подверженной климатическим катастрофам жизни, возобладали на этих берегах...

— Какая была бы идиллия, если бы миром и войной управлял климат, — пробурчал опять полковник Мышкин.

Но Митя говорил о метеорологическом климате Европы совсем не для того, чтобы на этом закончить. Вежливо промолчав на реплику Мышкина, Митя двинулся в своих размышлениях о влиянии Гольфстрима дальше, и по нему выходило, что Англия с её незамерзающими морями могла стать всемирной морской державой только благодаря Гольфстриму, и характер северных народов Скандинавии, которые постоянно видели перед собой незамерзающее море, также формировался веками благодаря этому течению. Движение викингов, их воинственные набеги, переселение норманнов, ганзейская торговля, выдвигание в позднем средневековье Дании и Швеции Митя тоже связал с Гольфстримом. Последнее, о чем он сказал — это о конвоях транспортных судов, которые благодаря Гольфстриму могли во время войны ходить от Исландии к Мурманску. Если бы Гольфстрима не было, десять месяцев из двенадцати от Гренландии до Мурманска стояли бы сплошные льды.

Кажется, ему удалось сделать хороший доклад. Хотя сам он знал, что на этом его усиленные занятия географией кончатся. Напрасно

«Кажется, ему удалось сделать хороший доклад...»

Глазوميцкий сурово смотрел на него сквозь идеально промытые очки — сейчас Митя просто-напросто доканчивал начатое.

География уходила назад вместе с увлечением марками.

Митя кончил рассказывать.

Была минута молчания, а потом начались вопросы. И Митя стал на них отвечать. Оказалось, что он столько накопил всяких морских сведений, занимаясь Гольфстримом, что теперь они как бы помимо него выхлестывались в ответах. Каким-то младшим нахимовцам Митя объяснял, что батискаф, опущенный на дно глубоководной океанической впадины, подвергается давлению, равному весу... Митя схватил мел, защёлкал по доске — вышло больше ста тысяч тонн.

— Два авианосца, — сказал Митя. — А если, например, уронить в глубоком месте океана топор, то он достигнет дна уже без топорлица — на глубине километра топориче уменьшит свой объём вдвое...

Глазوميцкий блеснул очками. Папа Карло восхищённо оглядывался.

Кто-то спросил Митю о ядовитых медузах, и он ответил, что они в Гольфстриме не водятся.

— А где водятся?

— У берегов Австралии.

Но его всё равно попросили рассказать, и Митя рассказал о «морской осе» — медузе, величиной с электрический штепсель, восьми-метровые щупальца которой снабжены ядом, подобным яду кобры. И о том, что от этих медуз погибло больше людей, чем от акул.

— Послушайте, да он всё знает! — воскликнул Рюмин.

Кто-то спрашивал Митю об осьминогах, о морских электрических угрях и о том, на сколько минут могут в воде задерживать дыхание разные млекопитающие. Тут Митя поразил, кажется, всех, потому что

откуда-то он знал, сколько минут не дыша может находиться под водой не только человек, дельфин и кашалот, но даже гиппопотам.

— Ну, этого кроме вас никто больше не знает, Нелидов, — уверенно произнёс Рюмин.

Один из незнакомых Мите географов тоже задал вопрос:

— А вы не хотели бы, Дмитрий, вступить в Географическое общество?

— Как это вступить? Надо ведь что-то... Исследовать... Открыть...

— Вот вы со временем и исследуете.

— Нет. Я не хочу, — сказал Митя.

И все затихли. Только Глазوميцкий пошевелил плечами, будто удобнее устраиваясь в просторном ему всегда пиджаке.

— У меня не хватит времени, — сказал Митя и посмотрел прямо и серьёзно в глаза своему любимому преподавателю. — Я не буду больше заниматься географией. Я занимался ею просто потому... что меня попросили. — И он посмотрел на Серёжу Еропкина.

Митю больше не спрашивали. Он страшно устал.

Когда он вышел из здания Географического общества, то все, кто ехал в училище, уже сидели в автобусе и ждали его.

— Знаешь что, Нелидов, — сказал старший лейтенант Тулунбаев, — ты, если хочешь, можешь пойти погулять. Вот тебе увольнительная до двадцати двух.

— Нелидов, — сказал полковник Мышкин, — вы не станете возражать, если мы доведём вашу бабушку до дому на такси?

Митя не очень вежливо мотнул головой, чмокнул бабушку в щёку и быстро пошёл вслед за Серёжей Еропкиным, который вдали уже скрывался за угол.

(Окончание следует)

Четыре баллады о русских воинах

Баллада четвёртая ПРО СОЛДАТА С МЕЧОМ

Была Отчизна за спиной,
и по штыку на брата,
когда вскричал комбат:
«За мной!»
И встали три солдата.
За честь поруганной земли
на силу броневую
четыре воина пошли

в атаку штыковую.
Никто из тех, кто в бой вставал,
в окопы не вернулся:
троих сразило наповал,
четвёртый пошатнулся.
Затявkal вражий автомат,
заухало орудье...
У родника упал солдат,
к цветам прижался грудью.
Сказал, слабея, рядовой:
— Дозволь мне, мать-землица,
твоей водицы ключевой
в последний раз напиться!..—
Но помрачнел бойцу в ответ
родник земли свободной,
блеснул чужой ракеты свет
на хмурой глади водной,
зардели сполохи войны,
один другого ярче...
И вдруг возник из глубины
суровый облик старчий.
Была багряная вода,
как пламя над жилищем;
вилась у старца борода,
как дым над пепелищем;
чело высокое, как храм,
власы — белее снега.
И на щеке — жестокий шрам
от сабли печенега.
В очах тысячелетний мрак,
а в голосе — острада:
— Скажи, герой, неужто враг
посмел дойти досюда? —
И отвечал ему боец,
от лютой корчась боли:
— Мой полк полёг в бою, отец,
на этом древнем поле.
Скажи, моя ли в том вина,
что не сберёг комбата,
что на троих была одна
последняя граната?
Не жаль мне жизни молодой,
а жаль, что нечем биться...
— Добро, — сказал старик седой, —
испей, сынок, водицы.—

И к роднику припал боец.
 И встал и молвил смело:
 — Дай мне оружие, отец,
 на праведное дело!
 — Добро! — глухой раздался глас
 из гущи краснотала.
 И грянул гром, и в тот же час
 вода заклокотала.
 И вышли три вдовы в платках —
 войны седые сёстры, —
 держа в протянутых руках
 славянский меч двуострый,
 такой, что надвое рассечь
 способен был Карпаты.
 — Держи, боец, победный меч
 для праведной расплаты!
 Поцеловал боец булат,
 отдал поклон сестрицам.
 И, став сильнее, пошёл солдат
 с врагом заклятым биться.
 Сраженьям не было конца,
 а ярости — предела!

На всех фронтах того бойца
 встречали то и дело.
 То подо Мгой, то под Орлом,
 то у родной границы.
 Он шёл на запад напролом,
 и трепетали «фрицы».
 Три года шёл вперёд боец,
 бессмертный, как былина.
 И вот дошёл он наконец
 до самого Берлина.
 Свистел свинец, ревел фугас
 в кровавой круговерти...
 И тот солдат ребёнка спас,
 прикрыл собой от смерти.
 И вот затих орудий гром
 и бой окончен жаркий.
 ...Он встал с ребёнком и с мечом
 в берлинском Трептов-парке.
 Защиты меч в его руке;
 сдержал он слово свято,
 поклявшись кровью на клинке
 не посрамить булата!

Рис. Л. Уральской

Сорок пять лет назад, 22 июня 1941 года, началась Великая Отечественная война. Память о том суровом времени — навсегда с нами.

Участникам войны посвящает «Искорка» три своих публикации: балладу Виктора Максимова «Про солдата с мечом», рассказ Георгия Холопова «Главный Ванюша» и очерк Валерия Воскобойникова «Он ненавидел фашизм».

РАССКАЗЫ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

«В первый же день Великой Отечественной войны мы с женой ушли на фронт. Я работал в газете «Во славу Родины» Седьмой армии Карельского фронта, жена в армейском госпитале. Участвовал в боях на многих участках фронта...»

Это строки из автобиографии ленинградского писателя, фронтовика Георгия Константиновича Холопова. Мы предлагаем вашему вниманию один из его «Невыдуманных рассказов».

Рассказ был опубликован во фронтовой газете в 1942 году.

Про этот случай рассказал мне танкист из нашей дивизии...

Однажды, когда мы были в разведке в тылу у немцев, вражеский снаряд пробил бензобак нашего танка.

Машина загорелась.

Я отдал команду:

— Оставить танк.

Но у нас был тяжело ранен механик-водитель. Ранен был и я. Невредимым остался лишь башенный стрелок Орлов.

Кое-как вытащили мы из танка водителя и, оставив догорающую машину, заползли в первую попавшуюся землянку. Как оказалось — в самом конце деревни, позади заброшенных огородов.

«Сумеет ли мы отсюда выбраться?» — думали мы. Но поразмыслили и решили, что если немцы не узнают про наше убежище, то ночью попробуем прорваться к своим.

Я высунул из землянки голову...

По дороге, озарённой пламенем,

куда-то торопливо шли немецкие солдаты. Пронеслись мотоциклисты. Потом промчалась ещё группа фашистов, на грузовике.

Видимо, бой идёт где-то недалеко.

Справа от нас увидел я саран. «В случае чего можно будет укрыться там», — подумал я и в это самое время заметил мальчика. На вид ему было не более 8—9 лет. И он, видимо, с самого начала наблюдал за нами. Я погрозил ему пальцем, мол, не вздумай никому сболтнуть про нас. Лицо у мальчика было печальное, и на мою угрозу он ответил лишь лёгкой улыбкой.

Я рассказал о мальчике товарищам.

— Ждать беды, — сказал механик, — сболтнёт мальчишка.

И действительно мальчик, видимо, проговорился...

Часа через два к нашему убежищу крадучись подошла женщина. Она несла что-то укрытое платком.

Оглянувшись, опустилась на колено, вынула из-под платка и протянула мне... крынку с молоком:

— Пейте, родимые... Издалека несусь, из самого леса...

Потом, со слезами на глазах, повязав платок на голову, женщина торопливо ушла.

Хотя мы не успели с женщиной, как говорится, и двух слов сказать, но луч надежды на спасение для нас блеснул...

Прошло ещё несколько часов. У сараев показалась девушка. Ей было лет шестнадцать. Она переждала, пока дорога стала пустынной, и шмыгнула к нам в землянку.

— У вас есть раненые? Я могу перевязать!

Девушка достала йод, бинты, перевязала рану водителю, потом мне... С гневом и болью рассказывала она о немцах, о зверствах, которые они чинят, о грабежах... Спрятав бутылочку с йодом, она исчезла так же внезапно, как и пришла, сказав на прощание:

— Мы вас так не оставим, вас спасут... А потом — скорее приходите обратно, товарищи танкисты!

Когда я вновь высунул голову из землянки, то у сарая опять увидел знакомого нам мальчика. На этот раз лицо его было строгое, глаза — гневные. Он был чем-то озабочен.

Улучив удобную минуту, мальчик кубарем скатился к нам в землянку и сообщил, что у него — «очень важные дела» и потому он больше не может нас стеречь.

— Всё остальное сделает тётя Арина, — сказал он по-взрослому многозначительно, но, увидев у ме-

ня под комбинезоном орден Красной Звезды, пылливо посмотрел мне в глаза и заговорил торопливо, подетски: — У меня в одном месте дядька укрыт, и у него тоже красная звёздочка. Когда будете уходить — захватите его. Он комиссар, его фашисты долго искали!

Он хотел что-то ещё сообщить, но подумав, махнул рукой:

— Тётя Арина всё сделает, вы только комиссара захватите...

И вот настала ночь.

К нам в землянку пробрались три женщины, был с ними и старший политрук Сидоренко, о котором говорил мальчик. Женщины принесли нам гражданскую одежду — шапки, брюки и рубахи. И поесть принесли. Старушка Арина поцеловала меня, как сына родного, и с радостью сообщила, что «немцы уже тронулись назад, на запад».

— Ждём вас! С нетерпением ждём, сынки! — говорили женщины, выводя нас к линии фронта глухими лесными тропинками.

— Скоро вернёмся! — отвечали мы. — Ждите!

Уже недалеко от линии фронта, прощаясь, я спросил у тёти Арины про мальчика, которого мы, танкисты, запомним на всю жизнь.

Она ответила:

— Это — Ванюша, Егора Иванова сын. Сиротой остался малец. Повесили проклятые ироды батьку его... Нашего председателя... И вот Ванюша вроде как бы самым главным у нас стал... Ох, и замечательный же он мальчонка, скажу я вам, товарищ командир!

1942 год.

Рис. Г. Семёнова

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Он ненавидел фашизм

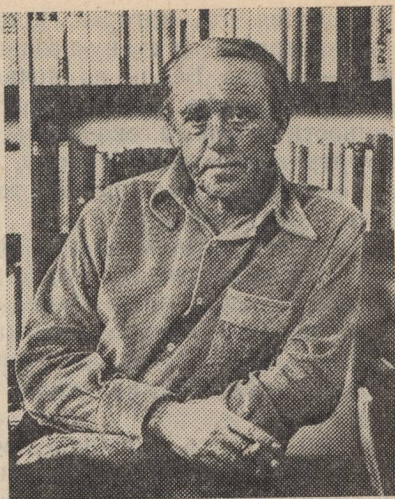
*К годовщине смерти
писателя Генриха Бёлля*

Я не знаю, кем он был — фашистский солдат, который первым переступил границу нашей земли. Не знаю, как его звали и понимали он тогда, что совершает. Я хочу рассказать про другого солдата, который в те страшные июньские дни тоже носил форму фашистской армии. Его звали Генрих Бёлль. Спустя несколько лет после краха фашизма его назовут выдающимся немецким писателем, а годовщина со дня его смерти, окажется, отстоит очень близко от сорокапятилетия первых залпов Великой Отечественной войны.

Что объединяет две эти даты, кроме близости в календаре?

Их связывает ненависть к фашизму, стыд за позорную войну, в которую втянули фашисты свой народ, поработив его разум и волю. Об этом рассказывают книги Генриха Бёлля.

...У Бёлля было пятеро братьев и сестёр. Его отец, столяр Виктор Бёлль, работу свою уважал и воспитывал в детях почтение к труду, совести и закону. В душе простого

человека эти вещи легко уживались вместе.

Когда Генриху было шестнадцать, к власти пришли фашисты. Выпускников гимназии почти силой загоняли в гитлерюгенд.

«Нас было около двухсот человек... учеников... Только четверо или пятеро не принадлежали перед выпуском к гитлерюгенд», — писал Бёлль. Он был одним из этих четверых.

Двести человек по субботам занимались воинской подготовкой, маршировали под бодрую музыку, а Генриха и его товарищей, не согласившихся вступить в гитлерюгенд, отправляли мыть уборные и коридоры. Над ними издевались. Они молчали, но в гитлерюгенд не вступали. И тут впервые Генрих Бёлль подумал о том, что новые законы и совесть пошли по разным путям.

Вчерашних гимназистов зазывали на военную службу. Вермахту нужны были солдаты, много верных солдат. Бёлль уклонился от службы и стал учеником в букинистическом магазине. Он получал гроши, но зато прочитал немало великих книг. Однако фашизм опять сумел дотянуться до него.

Молодых людей, не пожелавших служить в армии, отправляли на трудовую повинность. Генрих вместе с товарищами осушал болота, пилил и валил деревья.

«Кончится эта каторга, поступлю в университет и стану независимым», — мечтал Бёллер по ночам в бараке. Но когда через год срок повинности кончился, оказалось, что поступить в университет тому, кто не член национал-социалистской партии, стало непросто.

И всё же Бёллер хоть и не вступил в фашистскую партию, а в университет поступить сумел. Он уже написал несколько рассказов и повестей, мечтал их напечатать. Казалось, независимая жизнь началась.

Только длилась она лишь месяц. В июле 1939 года его мобилизовали в армию «всего на несколько недель для участия в учениях». Эти «несколько недель» затянулись на много лет, потому что началась вторая мировая война — фашистская Германия напала на Польшу.

«Всю жизнь меня возмущали физические расправы с людьми. Если человека били в моём присутствии, мне было больно, и каждый раз, когда я становился свидетелем телесного наказания, я старался ему помешать. То же было и с пленными. Я имел массу неприятностей, терпел насмешки и даже подвергался опасности из-за того, что не мог спокойно смотреть, как избивают пленных», — так рассказывает главный герой романа Бёлля «И не сказал ни единого слова». Здесь автор, конечно же, говорит о самом себе.

Из Польши Бёлля перегнали во Францию, а оттуда летом 1943 года отправили в Россию. И тут ему удивительно посчастливилось — воинский поезд, в котором его везли, подорвали французские партизаны. «Как же мне повезло», — думал он, когда понял, что ранен в руку. Но врачи заявили, что рана не тяжёлая,

и его опять посадили на поезд, уходящий в Россию.

Однако в России «везение» продолжалось. Через несколько дней фронтовой жизни его ранило в ногу. Бёллер мечтал, чтобы рана была потяжелее, но осколок едва вошёл в тело. Ему удалось пробыть в госпитале несколько недель, а потом снова его вернули на фронт. Но тут его снова, на этот раз тяжело, ранило в голову осколком от разорвавшегося снаряда.

Он был уверен, что освободился от войны навсегда, но фашистская машина работала безотказно — его отправили на фронт. Через неделю пехотинца Бёлля ранило взрывом ручной гранаты.

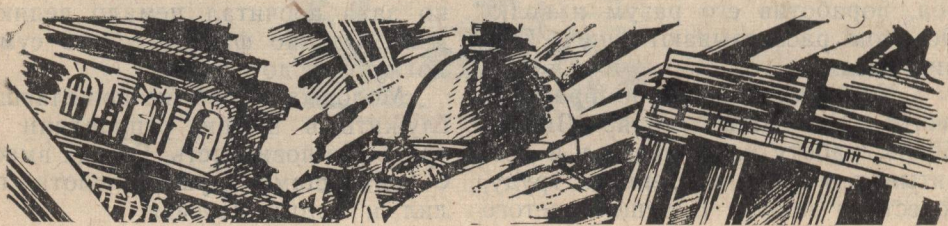
Германские войска отступали. Вместе с ними отступали немецкие госпитали. Гитлеровцы гнали на убой всех — едва выздоровевших раненых, своих отцов-стариков, своих детей. Они ещё надеялись удержаться.

В рассказе «Завещание сыну» Бёллер описал, как он жил последние месяцы этой грязной войны: какое-то время жена тайно проносила ему в госпиталь лекарства, повышающие температуру. Потом лекарства перестали действовать. Тогда солдат Бёллер стал дезертиром...

Наша победа освободила от фашизма не только европейские народы, но также и немецкий народ.

...После войны Бёллер работал подсобным рабочим в столярной мастерской у своего брата и одновременно учился в университете.

Повести, которые он написал перед войной, погибли под развалинами дома. Он написал новые, и скоро во многих странах мира заговорили о большом писателе,

который ненавидит фашизм и рассказывает о простых, честных, но не очень удачливых немцах. О таких, каким был сам Бёлль в своей молодости. И когда герой из повести «Хлеб ранних лет» вспоминает, как страшно он голодал, как мечтал наесться обыкновенным куском чёрного хлеба, — то это Бёлль рассказывает о своей голодной молодости. А когда другой герой из книги «Глазами клоуна» говорит о фальши, обмане, с помощью которых церковь управляет людьми, то так думал и сам писатель — он навсегда запомнил, что первым гитлеровскую Германию признал Ватикан.

Бёлль не переставал думать о будущем своего народа, о будущем людей Земли, и поэтому стал одним из первых членов Комитета против атомной смерти. «Возможности у художника безграничны, — писал он, — у него не может быть лишь одной — успокоения».

...Пройдёт несколько лет, и ты возьмёшь в библиотеке книги этого талантливого писателя. Человека, который стремился жить честно. Человека, чья дата смерти на листах календаря находится близко от годовщины самой бесчеловечной и кровавой войны.

Рис. О. Недзвецкой

ПУШКИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

(К рисункам на 2-й и 3-й страницах обложки)

Торжественный нарядный актовый зал Академии художеств в Ленинграде как нельзя лучше соответствовал приподнятой обстановке, которая царила среди присутствующих: шла защита дипломных работ выпускников Академии 1940 года.

Серию иллюстраций к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», которую дипломант графического факультета представил на высокий суд, собравшиеся встретили аплодисментами. Зрителей покорило не только безупречное владение рисунком и изысканный их колорит, но и глубокое проникновение художника в замысел пушкинской повести. По единодушному решению комиссии автор этих рисунков получил диплом с отличием и звание художника-графика.

Звали художника — Борис Иванович Кожин.

Борис Кожин родился в Брянске, в многодетной семье, где трудолюбие ставилось превыше всего. Его отец проработал на Брянском машиностроительном заводе 50 лет, и не случайно поэтому на рисунке четырёхлетнего Бори был изображён паровоз, который мальчик увидел у отца в цехе.

Страсть к рисованию захватила Бориса Кожина с самых ранних детских лет и — на всю жизнь. В 1936 году он поступил в Академию художеств в мастерскую профессора П. А. Шиллинговского, а за два-три года до её окончания начал работать над дипломом, посвящённым Пушкину.

Волновал художника и образ самого поэта.

На 2-й и 3-й страницах обложки воспроизведены рисунки Б. Кожина, изображающие Пушкина: один — на набережной Невы, где художнику особенно удалось вдохновенное пушкинское лицо; другой — в Михайловском, во время одной из любимых его прогулок верхом на лошади.

Когда началась Великая Отечественная война, Борис Иванович Кожин вступил в ряды Народного ополчения. Часть, где находился Б. Кожин, с боями прорвалась к Ленинграду, и все трудные блокадные дни, которые выпали на его долю, до последнего часа, нёс он военную службу — рисовал для фронтовых газет, делал плакаты и... продолжал создавать рисунки к поэме «Граф Нулин» своего любимого поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Умер Б. И. Кожин 20 февраля 1942 года в госпитале. Похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище.

В Академии художеств на почётном месте висит большая каменная плита, на которой высечены имена многих талантливых людей, ушедших из Академии защищать свою Родину и не вернувшихся с войны. Среди них — имя ассистента графической мастерской Бориса Ивановича Кожина.

К. Севастьянов,
художник

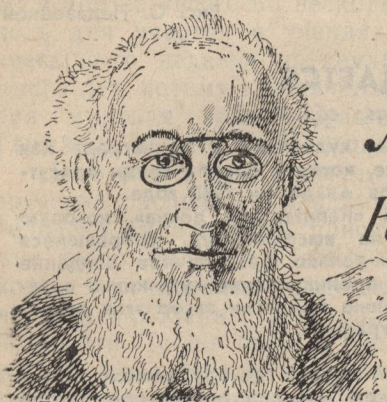

Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский жил в нашем городе на Восьмой линии Васильевского острова и каждый день ездил на Фонтанку к Чернышёву мосту, в дом, в котором расположилось Русское географическое общество и вице-председателем которого он был невиданно долгий срок — 45 лет подряд.

Наука география в современном её понимании ещё только рождалась, и Пётр Петрович Семёнов взял это дело в свои руки — он высказал самые важные, самые глубокие мысли об изучении Земли и сплотил вокруг себя самых горячих, самых упорных, самых талантливых исследователей и путешественников.

С тех пор прошёл целый век — сто лет. А светлый, удивительно обаятельный образ умного, чуткого, неимоверно работающего, неимоверно доброжелательного человека остаётся в сердцах русских людей. И не только русских. Недаром 66 академий, университетов и научных обществ сделали в своё время Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского своим почётным членом. И недаром Берлинское географическое общество, награждавшее выдающихся географов всех стран и народов Большой серебряной медалью, сделало для Петра Петровича исключение — оно присудило ему эту медаль и единственный раз за всю историю постановило выбить её из золота.

Эдуард Лисок Любовь к географии

рис. Н. Котляревского

Красные яблоки. оранжевые тигры

Каждый вечер, как бы сильно он ни устал, Пётр Петрович Семёнов зажигал в своей палатке свечу и раскрывал походную тетрадь. Туда, под кожаный переплёт перемешалось всё увиденное за день.

Под косо срезанным пером, в быстро бегущих строчках начинали дымиться вечерние предгорья и загорались, словно цепи облаков, вершины снежных хребтов. Принимался дуть

ледяной ветер ущелий. Красные дикие яблоки с глухим стуком падали на узкие кабаньи тропы, и бесконечные заросли яблонь карабкались на крутые склоны гор. Перемещались на белые страницы огромные поляны голубых незабудок и луга трёхцветных тюльпанов. Попап на эти страницы и навсегда остался там тигр, выбивший ударом лапы из рук казака винтовку, а потом потащивший этого несчастного в чашу. Сверкала дуга водопада, и неслись, закинув ребристые рога, «каменные бараны» — гиганты, о которых писал ещё великий Марко Поло и которых с тех пор, с XIII века, никто из европейцев не видел.

Хорошо писал Пётр Петрович — ярко, просто, зримо. Это само по себе было замечательно, а ещё бесценно потому, что закладывалась традиция петербургской школы географов — описывать путешествия доход-

чиво и живо, чтобы вся Россия зачитывалась географическими отчётами. Чтобы к мыслям, знаниям, наблюдениям замечательных географов общались тысячи и тысячи людей, чтобы путешествия становились не только фактом науки, но и фактом культуры.

„О неизведанное, ты влечешь“

Долина суживалась. Заросшие непроходимой чащей горы всё ближе и ближе подходили к млечно-белой пенящейся стремительной реке. И вот они уже сдвинулись совсем, сдавили реку отвесными утёсами.

Отряд спешился. Казаки взяли под уздцы лошадей и вошли в воду. Ровно и сильно шумела река. Воздух наполняла колючая пыль. Люди и лошади были мокры с головы до ног. Сильно пахли невидимые в темноте цветущие деревья. Над головой в про свете, оставленном сдвинувшимися горами, зажглись звёзды.

Какое-то время продвигались вперёд, переходя с берега на берег — с одной открывшейся узкой полоски мелких камней под нависшим утёсом на другую. Когда уже не обойти, не протиснуться — начинали карабкаться в гору. Дорогу прорубали, выючных лошадей развьючивали. Грузы несли на руках. Лошадей тащили.

О неизведанное, как влечёшь ты к себе людей, как манишь! Может быть, это одна из самых глубинных потребностей человека — заглянуть туда, куда ещё никто не заглядывал, узнать то, что ещё никто не знает. Отряд шёл в неведомое. Впереди его ждали открытия. Ждала никем не виданная красота. Это удивительно, в

это сейчас даже с трудом верится, но это так: сто с небольшим лет тому назад на Тянь-Шане не бывал ещё ни один европеец, ни один учёный. Об этих великих горах знали только по неясным отзвукам древних путешествий буддийских монахов да по глухим упоминаниям в китайских летописях и индийских сказаниях.

Даже богинцы, исконные обитатели этих мест, жившие на северных склонах Тянь-Шаня, не бывали в его глубине, не знали его ледяного и загадочного сердца. Путь туда, к Тенгри-Тагу — хребту ледяных духов, — прокладывал молодой географ Семёнов без всяких карт.

Какие карты, если он тут был первым?

Черные сухари путешествий

Со своей будущей женой молодой Пётр Семёнов никак не мог объясниться. Из всех сил скрывал свои чувства. Всего боялся — боялся, что ей неинтересен, боялся обидеть, боялся расстроить своими словами. Девушка любила его сильно и горячо и очень мучилась, что он, как ей казалось, не любит её. Наконец после целого года колебаний будущий путешественник, холодея и замирая, открыл свои чувства... тётушке своей будущей жены.

— Идите сейчас же в сад, она вас там ждёт, и скажите ей немедленно всё, что сказали мне, — почти закричала тётушка.

И вот этот же самый человек ведёт казачий отряд в глубь неизведанной горной страны. Ни секунды колебаний, ни одного мгновения растерянности. Спокойная твёрдая во-

ля, уверенность в каждом своём поступке и спокойная храбрость.

Оступилась и покатилась в пропасть верховая лошадь. Пётр Петрович успел зацепиться за выступ скалы, в эти же мгновения рассмотрел на стебле травинки, у самого своего глаза, синего жучка — снял жучка с травинки. Он оказался неизвестным науке видом.

Выносливость географов — тема особая.

Был в отряде у Петра Петровича верблюд. Взяли в помощь выючным лошадям. Думали, будет помощь, а оказалось — тормоз. На ночлег отряду приходилось останавливаться тогда, когда верблюд выбивался из сил и сам ложился на землю. Луна ярко светит, можно продвигаться дальше, к тому же ледяной ветер пронизывает до костей (в движении всё же не так коченеешь), а верблюд лёг, и приходится останавливаться, ждать, когда он сможет снова подняться на ноги. Вот вам и выносливость верблюда. Люди-то оказались выносливее.

Из еды Пётр Петрович брал с собой только мешки чёрных сухарей и бараний курдючный жир. Этим питался сам и этим же кормил казаков. Сухари размачивали водой, а потом жарили на жиру. Малоаппетитное кушанье? А что делать?! Груз, который берётся с собой в дальние походы, должен быть минимальным и портиться ему нельзя. Пересечь неведомые заоблачные горы — это ведь как на Луне побывать. Только в то

время не было специального питания для космонавтов.

Однажды Пётр Петрович взял с собой живых баранов. Богинцы подарили. Погнали казаки баранов палками. Но далеко ли с такой обузой уйдёшь? Одолели перевал, прошли долину, и вот река. Её грохот ещё издали слышен, а как подошли, так и задумались. Не идут бараны через горную реку. Стали казаки баранов поперёк седла класть, но легко ли с такой ношей переправляться? Нет, с сухарями да с жиром путешествовать удобней. Больше не брал с собой Пётр Петрович баранов и никаких других деликатесов тоже. Сухари с жиром восстанавливают силы — и ладно, и на том спасибо. Штурм Тянь-Шаня — не развлекательная прогулка.

Не испугаетесь, молодой человек?

Из кого всё-таки получают путешественники?

Из тех, кто умеет работать. «Путешествие — это работа», — говорил Пётр Петрович Семёнов.

А знаете, какое у него было первое испытание?

Очень молодым человеком, сразу по окончании Петербургского университета, пришёл он к вице-президенту Русского географического общества знаменитому мореплавателю Фёдору Петровичу Литке и попросил себе какое-нибудь географическое поручение.

Старый адмирал посмотрел на просителя внимательно и сказал:

— Любого поручения не испугаетесь?

— Любого, — ответил Пётр Петрович.

— Ну что ж, давайте проверим вас — приведите-ка в порядок нашу библиотеку.

Библиотека Географического общества была огромной, чрезвычайно богатой, но беспорядочной и запутанной.

Целыми днями сидел молодой человек в этой библиотеке. Пересмотрел тысячи томов, описал и расположил в идеальном порядке. Не один месяц проработал, но всё сделал. А вы, храбрые, юные, мечтающие об опасных и невероятных путешествиях, — как бы вы отнеслись к такому поручению?

А вот другие испытания, что выдержал Пётр Петрович, прежде чем он отправился в свои Небесные горы. Он перевёл на русский язык восемнадцать томов дотошного немецкого учёного, изложившего всё, что знала

тогдашняя наука о землях Азии. И когда некоторое время спустя Пётр Петрович приехал в Германию слушать лекции в тамошних университетах и специально познакомился с автором этого фундаментального труда, знаменитым Карлом Риттером, тот пришёл в восторг. Не оттого, что его книги переводят на русский язык, а от личности своего переводчика.

— Господа, если кто интересуется географией Центральной Азии пусть обращается к господину Семёнову. Он знает об азиатских странах больше меня, — говорил старый профессор.

Ему-то, Карлу Риттеру, и высказал Пётр Петрович свою мечту — проникнуть в неведомый Тянь-Шань. Увлёк он своей мечтой и других немецких географов. Но если Семёнов планировал проникнуть в Небесные горы через Сибирь, то немцы собрались идти через Индию или Китай.

...Когда Пётр Петрович Семёнов спустился со склонов Небесных гор, его ждало печальное известие: в таинственной стране Кашгарии, стране оазисов, лежащей на пути в Тянь-Шань с другой, южной, стороны, погиб Адольф Шлагинвейт, его добрый университетский знакомый. Ему на базарной площади отрубили голову. Палач бросил голову путешественника на вершину целого холма из оскаленных черепов. Холм этот жестокий и подозрительный правитель Кашгара возвёл под окнами своего дворца.

(Окончание следует)

РАДИЙ ПОГОДИН

МАКОВ ЦВЕТ

СКАЗКА

Полуовка шагал по холмам и лощинам, по берёзовым рощицам и лесам липовым.

Куда идти, он знал, как знают направление птицы, улетающие на юг.

Зачем идёт, тоже знал: чтобы спасти рукотворную красоту и Попугаева Вовку. Хоть и засахаренный этот Попугаев, но в душе у него, в самом укромном местечке, теплится искорка.

Идёт Полуовка по тёплой траве. Только сил у него немного.

Разделила волшебница Маков Цвет силы Попугаева пополам. А Попугаеву и на одного — только в цирк сходить да в кино сбегать. От пастилы, от шоколадов-мармеладов, от оладушек да котлеточек, от бульончиков и компотиков какая у первоклассника мощь? Нулевая!

Мощь бывает от заботы. От беззаботности — лёгкая резвость.

Вот и идёт Полуовка на одном упрямстве. Берёзы, липы, рябины дышат на него свежестью. Дубы и сосны подбадривают: «Уже близко. Уже рядом. Держись».

Вот Полуовка в низинку спустился болотную, кочковатую, тёмную. Злые травы ноги ему оплетают, хлещут по рукам, по лицу. Чёрные грибы лопаются шумно. Выдувают Полуовке в глаза горький дым. Дурман-болиголов сбивает его с пути — кружит...

И уже упал Полуовка в крапиву. Ползёт на коленях. Совсем мочи нет...

И всё же поднялся он на ноги и позвал: «Помоги, Попугай!»

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5.

А Вовка-то Попугаев стоял у окна, смотрел, как на той стороне улицы скачут девчонки, у каждой в руке блокнот и ручка — автографистки. За автографами пришли. Фотокорреспонденты снимают Вовкины окна, как на фотоохоте. И другие люди тоже толпятся. Глазек бесцельно — зеваки.

А случилось следующее.

Сосед-шофёр всем своим товарищам-таксистам рассказал в таксопарке о Вовкином горе-злосчастье. Все шофёры такси, хоть они, как правило, и неразговорчивые, поделились со своими пассажирами — мол, есть ещё в природе невероятное.

Сосед-инженер тоже поделился мыслями насчёт Вовкиной телесной модернизаций. Его друзья — инженеры и техники поделились со своими жёнами и детьми.

Сосед-портной, а портные — народ как раз разговорчивый, в беседах с клиентами сокрушался, мол, как теперь мальчику одеваться-обуваться? И куда пойдёт мода, если ещё такие мальчики образуются? Какие нужны башмаки при лапах и какой ширины брюки? А шапки — какие шапки, если вместо лица хоккейная маска?

Химики устроили в своём Доме культуры конференцию, где решали Вовкину судьбу с точки зрения химии — науки наук, потому что даже современная арифметика заверчена, говорят, на химии, а уж всё таинственное — не без неё. А непознанное — только в ней! Это химики официально называли Вовку «Хокфибия» — Человек будущего. И заявили об этом по радио.

Ну, и медицина, конечно!

В своём Доме культуры медицина устроила симпозиум, на котором состоялась пресс-конференция с про-

гнозирующим уклоном. Сенса́ция была. Решили, что Вовка мутант и в дальнейшем мутанты будут, бесспорно. Нужно быть готовыми к атаке хоккейно-плавательных мутаций. Медицина закрепила за Вовкой наименование «Хокфибия».

В добровольном спортивном обществе «Струги красные» была создана детская секция ватерхоккея.

А дядя Вася водопроводчик!

Он, конечно, рассказал всем своим друзьям сантехникам, и всем жильцам, у кого кран течёт, и всем любителям пива в микрорайоне, и всем старухам. Верил дядя Вася в старух. Говорил: «Если они с бородавками управляются, то и эту гадость сведут».

И вот пришёл опять дядя Вася к Вовкиной маме, а Вовкина мама уже никого в дом не пускала: специальные корреспонденты и кандидаты наук все ковры истоптали и несколько раз пережгли пробки. Дал дядя Вася предварительный сигнал — по трубе отопления разводным ключом, пришёл и сказал, что отыскалась в Новгороде знахарка из Старой Руссы по имени Лукоморьевна. Большой силы дама.

Дальше дядя Вася сказал:

— Придёт. Не сомневайся. Мне старухи шепнули. Не сомневайся. Жди...

Так вот, стоял Попугаев Вовка у окна, смотрел на автографисток и фотокорреспондентов и показывал им язык. Они этого, правда, не видели: во-первых — маска, во-вторых — далеко всё же. И ещё смотрел Вовка на машину, которая сгребала снег. Что-то в ней было знакомое — всё гребёт и гребёт, всё себе и себе...

То ли монотонные движения её загребателей, то ли тоска по родному первому «А» повлияли на Вовку, только услышал Вовка далёкий крик: «Помоги, Попугай!». И как будто голос знакомый. «Может, мама?» — подумал Вовка. Бросился в кухню.

А мама на кухне какую-то старуху за стол усаживает. Старуха вселяя. Рот большой.

— Меня, милая, Лукоморьевной называют. Передали мне твою печаль, передали...

При виде Вовки рот у старухи ещё шире сделался.

— Это и есть твой отрок? Их сейчас, кажется, самородками называют... — Старуха оглядела Вовку. Бицепсы ему пощупала. По шее логонько стукнула. — Жидковат... — Напедила в стакан воды из-под крана, фукнула на неё, и вода стала красная. Велела Лукоморьевна Вовке выпить эту красную воду. Для храбрости...

А вода-то — как ядрёный квас.

— Бородавки, бородавки, — забормотала она, — перескочьте на собаку, а с собаки на ворону, а с вороны на сороку. А с сороки на лягушку. А с лягушки на корягу, а с коряги на пиявку. На пиявке и сидите.

— У меня нет бородавок, — прошептал Вовка.

— Теперь нет, а надясь были. На совести... Теперь иди, отрок...

И тут Вовка снова услышал: «Помоги, Попугай!» Кто-то звал его голосом последней надежды.

Вовка бросился в свою комнату. И упал... в густую крапиву. Над ним лес чёрный. Ядовитый пар поднимается из болота. Грибы-поганки светятся — каждая величиной с таз. И со всех сторон пауки идут, боком-боком на длинных мохнатых ногах.

Встал Вовка с колен. Поднял с земли палку. Разогнал пауков. И пошёл сквозь крапиву. Сбивает ластами поганки — хоть и большие они, но ломкие. Злые травы и злые кусты хлещут Вовку по лицу. Но ему не больно — на лице у него прочная маска. Прорубает Вовка дорогу палкой и идёт вперёд и кверху. За ним, положив на его плечо руку, Полувовка идёт. И от Полувовкиной руки по всему телу у Вовки тепло.

«Молодец», — шепчут Вовке подземные воды. «Растёшь», — шепчут высокие сосны. «Уже близко», — говорят берёзы. И весь светлый лес, тот, что вверху над волчьим лыком и папоротниками, зовёт его и дышит ему в лицо теплом и мёдом.

А Вовкина мама на кухне с Лукоморьевной пьют чай. Кажется Вовкиной маме, что Лукоморьевна, хоть и старая, но красивая.

— Твой-то пишет ли? — спрашивает Лукоморьевна.

— Телеграмму прислал. Целует. Рекомендует «Висти».

— Это насчёт чего? — заинтересовалась Лукоморьевна.

— Лыжная мазь. От нуля и выше...

— Лыжи мажь. А насчёт того, чтобы отрока смазывать, — в голову не бери. Слушай, пусть твой-то, как есть, с парашютами прыгает, ты ему события не описывай. А то ещё не с той высоты прыгнет... Печаль твоя крутенька. Бывали такие явления и раньше. Только раньше всё больше с рогами бывали, да с копытами, да с хвостами. С лапами не было... Заговоры я знаю. И настои. И отвары. Бабушка моя колдунья была, и прабабушка — всё новгородские ведьмы... Славилась она на всю Русь. Это они царю Грозному Ивану предсказали смерть после бани. Мол, придёшь, царь, в пятницу из бани, чару вина выпьешь и протянешься... Налей-ка мне чайку, да покрепче. И варенья положи в три розетки. Я разное варенье люблю... Значит, так: пришёл Грозный царь из бани в палаты красные, напарившись, выпил чару вина генуэзского, засмеялся и говорит своим боярам: «Побегите-ка на подворье, отходите этих ведьм новгородских кнутом — пусть не врут на меня. Вот он я, Грозный царь, — живой...» Тут захрипел он и протянулся... Посмотри-ка, голубица, в окно. Какие видишь дома? Серые ты видишь дома, до крайности скучные, без кандибобера.

— Зачем же домам кандибобер, бабушка? — спросила мама.

— Кандибобер — он больше для кандибобера. — Лукоморьевна прокашлялась и зашептала таинственно: — В музее есть столп волшебный. По-нынешнему — колонна. Этот столп в давние времена из Ильмень-озера к Новгороду сам приплыл. Коли столп сей опоганит кто — супостаты не в счёт, — пропадёт в Новго-

роде рукотворная красота. И в сегодняшнем дне, и в прошлом, и на будущие века. И понятие о ней пропадёт. И память о ней истребится.

— Что вы, бабушка, — сказала мама. — Извините, я о своём сыне Вове страдаю.

Старуха налила в бутылку воды из-под крана, фукнула на неё — вода стала изумрудно-зелёной.

— Это для твоего самородка. При волдырях, при ожогах. Прыскай. И при упадке сил... Значит, что я тебе говорила? Ага! Кто-то столп волшебный обезобразил. Может быть, твой?

Мама из-за стола вскочила нервно.

— Что вы, бабушка! Мой Вова — мальчик интеллигентный.

— Значит, его друзья. У меня этот первый «А» на примете.

— Может быть, — согласилась мама и покраснела.

Тут раздался громкий вздох, словно кто-то свалил со своих плеч тяжёлую ношу и вздохнул с облегчением.

— Мальчики так не вздыхают, — сказала мама. Поблуднела и бросилась к Вовке в комнату. И Лукоморьевна вслед за ней.

А Вовка лежит на полу. Руки, ноги, плечи — всё в волдырях.

Мама заголосила, запричитала. К телефону метнулась. А Лукоморьевна и говорит:

— Крапива.

— Какая крапива? Какая крапива? Что вы, бабушка, насмехаетесь?

— Крапива обыкновенная. Волдыри от неё и зуд. А что зуд, что? Тут, голубица, надобно жизнь отдать.

— Я отдам, — прошептала мама.

— Тебе нельзя. Мать не считается. Мать, она — мать. Художник нужен, большой силы мастер. Твой самородок-то не рисует?

— Нет! — воскликнула мама. — Я и краски все выброшу.

Лукоморьевна положила Вовке на лоб руку.

Вовка сел, почесался.

— Крапива! Как сто собак! И

пауки. Но мы прошли... Я стоппи испортил — малиновым карандашом. А вам Предельная Старуха посылает большой привет.

— Теперь мне пора, — сказала Лукоморьевна. — Засиделась я, голубица, у тебя за чайком да за разговорами. — И, надевая шубейку и укутывая голову платком, всё говорила: — Нынче в Новгороде-то старики помирать примутся — старые мастера. Рукотворная красота ушла — что мастерам в жизни делать? В жизни у них одно было — красота. Возьмись, голубица, пироги печь, — а без красоты нельзя. Едево получится, а не пирог. Вот оно как обернулось. Из-за одного сколько старых мастеров помрёт, сколько новых не родится... — Лукоморьевна поцеловала маму в лоб, свистнула круговым свистом и пропала...

А место, где она только что стояла, светилось ещё несколько мгновений.

Когда Попугаев и Полуовка, выйдя из болотной душной низины, прошли сквозь урочище цветочно-земляничное, то вступили в древний-предревный бор. Мох под ногами белый, чуть в желтоватую зеленцу. Сосны широко стоят, вольно.

Посреди бора поляна. На поляне дуб. Под дубом избушка на курьей ноге. Цепью к дубу прикованная. И приплясывает та избушка — потому на цепи.

— Мне сюда, — сказал Полуовка. — Чувствую. А ты домой ступай.

— А кто мне покажет, где из этого лета в нашу зиму дорога? — спросил Вовка.

Избушка скакать перестала. На дубу чёрны вороны сидели, так они все на ребят уставились.

Дверь избушки открылась с ветром и стоном. На крылечко старуха вышла — страхоты непроглядной.

— А-а... — говорит. — Самородки! Вот я вас! — Рука у неё вытянулась

телескопическая, схватила Попугаева за ухо, — и в избушку его. За Попугаевым и Полуовка прибыл.

Сидят на скамье.

Старуха в воспоминания ушла:

— Отроков, — говорит, — кушала. Отроковиц — кушала. И купцов, и купчих, и простых людей. Самородков — не доводилось. Может, ядовитые вы? — Тут она спохватилась. — Ох! — говорит. — Что ж это я? Заказано мне строжайше. Пугать, говорю, вас заказано. Особенно вот его. — Старуха ткнула страшным, как ястребиный клюв, пальцем в Полуовку. — Путь тебе будет тяжёлый. Я Предельная Старуха. На такое имечко отзываюсь. Ты готов?

— Готов, — Полуовка кивнул.

А Попугаев сразу замёрз.

— Не трясись, — Предельная Старуха ему погрозила. — Тяжесть пути и от тебя зависеть будет. От твоего терпения и от твоей готовности.

— А вы бабушку Лукоморьевну знаете? — спросил Вовка.

— Как не знать, если она мне младшая сестра. А волшебница Маков Цвет нам племянница. Они обе там, а я тут. Горемычная я — живу на границе сущего. Мимо меня туда-сюда путь идёт.

— Куда именно?

— Во все стороны.

Полуовка, тот сидел задумчивый, старуху ни о чём не расспрашивал. Сосредоточенный.

— На-ко на дорожку хлебни кваску верескового.

Пока Полуовка пил, избушка и повернулась.

Старуха дверь открыла.

А за дверью зной — море синее, небо высокое, каменистый берег и белый город на отвесной скале.

— Всего, Попугай, — Полуовка сошёл со скамьи.

— Позови, — сказал ему Попугаев.

Полуовка прыгнул прямо в пену прибоя.

Дверь захлопнулась. Избушка опять повернулась.

— Теперь и ты ступай, — сказала старуха. — Лукоморьевне от меня

передай приветик. Сладко живёт — с телевизором, с зубной пастой, с душистым мылом... Ну, ступай, ступай. Что-то меня сон гнёт.

Вовка Попугаев открыл дверь и вывалился в свою комнату.

Теперь он у телефона стоял.

Когда старуха Лукоморьевна исчезла, когда мама, наплакавшись, убежала в аптеку за успокоительными каплями и на рынок за ягодами для киселей, Вовка подошёл к телефону. Набрал номер старосты и отличника Ковалёва Пети.

— Это ты, Петя? Это я, Вова. Стой — не падай... — И всё Пете по телефону рассказал. Про волшебницу Маков Цвет, про волшебный мраморный столп, про Скверняшку, который сделался теперь Полуовкой. Про старуху Лукоморьевну — без сомнения, колдунью...

— Она её тётка! — кричал Вовка в трубку.

— Кому?

— Кому-кому! Маков Цвет им племянница.

— Кому?

— Да Лукоморьевне и Предельной Старухе. В Красном беломховом бору живёт, на краю всего сущего. Сосны — во! До неба! Одна к одной.

Вовка сообщил Пете и о том, что по всему Новгороду и его окрестностям старые мастера начнут болеть и даже, может быть, помирать.

— Ну, Попугай, точно это! — воскликнул Петя. — Мой дедушка Гена в кресле сидит, ни крошки в рот не берёт, и глаза у него — словно лампочки перегорелые. Вот это дела... Жди. Мы будем мозгами ворочать. Как что придумаем — позволим. Ты тоже мозгами ворочай.

А у Вовки в голове ни одной мысли не зарождается — стоят перед глазами море синее и Полуовка в пене прибоя. И никого вокруг, только белый город высоко на утёсе.

Ворочал Вовка мозгами, ворочал — вспоминал свою непутёвую жизнь: бесконечное катание на велосипеде, сидение у телевизора, похвальбу и заносчивость. Всё-то он, Вовка, знает, всё-то он, Вовка, умеет. А ничего-то он и не умеет ещё.

Возьмётся рисовать — нарисует грязь. Возьмётся сочинять — сочинит враньё. Возьмётся делать клюшку, а зачем её делать-то — её в «Спортоварах» купить можно.

Когда раздался телефонный звонок, Вовка трубку схватил, как голый щенок сосиску. Звонил Яшка Кошкин.

— Попугай, одевайся.

— Как я оденусь? — закричал Вовка. — У меня ласты.

— Состриги, — велел Кошкин.

— С ума сошёл — больно. Они теперь у меня, как пальцы.

IV

Когда первый «А» вломился в Вовкину квартиру, Вовка был уже в зимнем пальто, в ушанке и в ластах на босу ногу.

— Почему не готов? — заорал Яшка Кошкин. Похоже, он взял командование на себя.

— А почему вы все такие бледные и нездоровые? — спросил Вовка.

Оказалось, что у первого «А» класса, вот ведь какой исключительный класс, всё старшее поколение — мастера. У кого дедушка кузнец, у кого — токарь, у кого бабушка ткачиха, у кого прядильщица, но все как один художники в своём деле. Даже прабабушки и прадедушки — кто по фарфору, кто по золотому шитью.

— Я тебе валенки притащил прадедушкины. Прадедушку на «скорой помощи» увезли... Надевай! — командовал Яшка Кошкин и заплакал.

Вот какие дела — Яшка Кошкин заплакал!

Яшка оказался очень предусмотрительным, можно сказать, хитрым: голенища прадедушкиных валенок он отрезал — целые были бы Вовке по пояс. Носы валенок отпилил ножовкой, чтобы ласты не сминались, но высывались наружу. Вот какие дела — высывались наружу и певелились, как лягушечьи лапы...

— Пойдём на прорыв, — сказал Яшка Кошкин, имея в виду специальных корреспондентов, автографисток, кандидатов наук и просто зевак.

Дала ему возразила:

— Завернём в ковёр и вынесем, как будто в химчистку. За углом мой брат Альгис. У него мотоцикл с коляской.

Когда Вовкина мама пришла с успокоительными пилюлями, Вовки не было. На кухне на столе лежала записка:

«Мамочка, не беспокойся, пожалуйста. Пошёл прогуляться. Скоро вернусь. Целую. Вова».

Мама качнулась. Ухватила за стол, чтобы не упасть. Удивилась она так сильно не столько Вовкиной прогулке в ластах на босу ногу, сколько вежливости.

— Ну и ну, — прошептала она и заплакала.

В сказках и вообще много плачут, а при таких делах и не хочешь — заплачешь.

«Выпью-ка я колдовской воды, — подумала мама. — Может, мне легче станет». А вода зелёная из бутылки не выливается. Булькает, плещется и не выливается.

Тут заметила мама, что нет в коридоре ковра — такой неширокий на полу лежал.

Мама оделась, бледная, но спокойная. Положила она бутылку с колдовской водой в сумочку, выпила сердечных капель, оделась потеплее и пошла в отделение милиции к Вовкиному знакомому, можно даже сказать, другу — милиционеру товарищу Марусину.

Первый «А» класс мчался к музею. В карманах у первого «А» были губки, мочалки, мыло хозяйственное, мыло душистое, наждачная бумага и полировальная паста. Первоклассники решили волшебную колонну, испорченную Вовкой, полировать. Решение простое и ясное и определённо удачное: испортил — исправь.

У входа в музей уже стоял мотоцикл с коляской, а в коляске в ковре Попугаев Вовка. Взял первый «А» Вовку и понёс в музей.

Говорят привратнице:

— Мумия. В дар.

Яшка Кошкин в этом деле дошёл до точки.

— Князь Рюрик в молодости, — сказал он. — Сушёный.

Дежурной привратнице, старенькой женщине-пенсионерке, было всё равно, что Рюрик, что Святополк Окаянный. Она то ли дремала, то ли готовилась упасть в обморок. Бледные губы её шептали:

— У Маши сердечный приступ... У Даши сердечный приступ... У Клаши сердечный приступ... А Василиса Петровна! Какая была кружевница...

— Мой прадедущка тоже слесарь-лекальщик.

— А что с ним?

— Сердце — чёрная меланхолия, — так Яшка Кошкин сказал и побежал догонять свой класс.

Первый «А» стоял у волшебной колонны.

— Где? — спрашивал первый «А» Попугаева Вовку.

— Тут я Скверняшку нарисовал. Вот. Видите, мрамор сморщился. Пузырьками пошёл. Даже трещинки... Видите...

Первый «А» достал губки, мочалки, наждачную бумагу, мыло хозяйственное, мыло душистое, полировальную пасту, голубую жидкость для чистки зеркал. Принялся первый «А» мыть, тереть, шлифовать и полировать.

От такого старания колонна волшебная раскалилась. Первый «А» отбежал, заслонился от жара. Глядь — колонна снова холодная, а прислонясь к ней спиной, стоит молодая женщина, можно сказать, — звезда экрана, в козловых полусапожках, в полупубке мягком, в полулалочке ярком.

— Так, — говорит, — все в сборе... Ну-ка, подойди поближе. — Это она Попугаеву Вовке. — Прошли волдыри?

— Нет ещё, — сказал Вовка. — Но я готов.

— К чему?

— Жизнь отдать.

— За что?

— За красоту.

— Ты же с ней незнаком, не знаешь, какая она и что в ней.

— Я вам верю.

Показалось Вовке, что женщина в полупалке, хоть и молодая на вид, и сапожки у неё модные на каблуке высоком, но родилась давно — может, даже на заре человечества. Показалось Вовке, что похожа она чем-то на Лукоморьевну и Предельную Старуху. И вдруг сообразил он, что это и есть волшебница Маков Цвет. А сообразив, вспомнил, что стоял перед ней ночью и трясся. А она плакала и Скверняшку кривоногого, косопузого с колонны сняла и превратила в мальчишку с задумчивыми глазами, который ушёл в дальнюю даль и синюю синь. Вспомнил всё это Вовка ярко и сильно, как никогда наяву не видел. Вспомнил и заявил:

— Готов я, готов. Правда-правда. — Пальто расстегнул. Шапку снял. — Товарищ волшебница Маков Цвет, наказывайте меня. Превращайте меня хоть в козла — слезы не уроню!

— Не стесняйтесь, — поддержал Вовку побледневший первый «А» класс. — Если одного Попугаева мало, мы все готовы. Что за жизнь, если красоты нет.

В этот момент каждый учащийся первого «А» класса подумал, кто о своей бабушке, кто о своём дедушке, а Люся ещё и о своём маленьком брате Павлике и весёлом котёнке Вьюнке.

Волшебница Маков Цвет улыбнулась грустно и спросила:

— Да вы хоть понимаете, о чём говорите? — Наверное, с первоклассниками дел иметь ей пока не приходилось. — Нет, вы не понимаете. Вы ведь не видите. Но я вам всё покажу. Хотя тяжесть безобразного чудовища, его осознание страшно, но вы, видать, люди крепкие. — Сняла она полупалок, расправила на гру-

ди. Цветы маковые, как живые, а между ними будто капли дождя или слёзы, а дальше-то, в глубине, травы буйные, ветры светлые, зори ясные... — Видите?

— Видим, — прошептал первый «А».

Волшебница Маков Цвет обвела рукой зал музея.

— А вот что вы с Новгородом сотворили.

И первый «А» увидел: всё серое, всё голое, всё присыпано пылью, как в дровяном сарае после зимы.

И такой ужас охватил первоклассников, что бросились они из музея вон, позабыв там и губки, и мочалки, и мыло, и голубую жидкость для чистки зеркал. Вовка валенками громадными, из которых ещё и ласты торчат, за всё задевает — падает. Колени и локти оббил. Подбородок рассадил. Нос расквасил.

А по всему Новгороду печально кричали сирены «скорой помощи» — старых мастеров увозили в больницы и санатории, где им ставили горчичники и капельницы, делали искусственное дыхание, уколы и кардиограммы. По улицам шли бледные взрослые люди потерянного вида. Казалось, они позабыли, куда идут.

Первый «А» вдруг всё это увидел.

Но и весельчаки на улицах тоже были. Много. Всех возрастов.

Опасно бодрые и деловые. Молодые парни неумытого свойства и девушки цыганского вида с глазами юркими, блестящими торговали мешками. Подходили со спины и говорили приглушённо:

— Мешок. Вот именно. Где ваш мешок? Сейчас всё дело в мешке. Чтобы класть.

На мешках были изображены заграничные певцы — кумиры Гиго Ас и Лайза Туго. Но больше всего было мешков с изображением мальчика в ныряльных ластах и хоккейной маске. «Супермальчик», «Хокфибия», «Человек будущего» было написано по-русски и по-заграничному.

Всё Вовка, Вовка...

Первый «А» класс почувствовал себя плохо, — вроде предали они своего товарища. Потому что они такие же, как он, — каждый из них мог бы на волшебной колонне нарисовать Скверняшку, даже отличник Петя Ковалёв, даже тихая Люся. Сгрудились они у витрины кондитерского магазина — на витрине дворец из ирисок — и засопели печально.

Неподалёку от них, у другой витрины, где дворец был из карамели, остановилась толпа волнующихся автографисток. Шумят: «Отловим! Схватим! Чемпионов мира хватали!» И вдруг одна из них — щёчки-пончики, носик-пуговка — глаза выпучила, помигала да как завопит:

— Хватайте! Вот он!

Мальчишки из первого «А» самые плечистые во главе с Яшкой Кошкиным остались биться. Петя Ковалёв и девочки подхватили Вовку Попугаева и потащили за угол. Через проходной двор. И зигзагами. А где — ползком...

Наконец привели они Вовку к своему старому знакомому, можно сказать, другу — милиционеру товарищу Марусину.

А то куда же?

Да, да, — в жизни первоклассников очень большую роль играют собаки, сказки и милиционеры.

Милиционер товарищ Марусин сидел в своём кабинете, строго смотрел на бутылку с зелёной водой, которая и плескалась, и приятно булькала, но не выливалась из бутылки и ничем не пахла. Знал милиционер товарищ Марусин — отдай он её на анализ химикам, они, может быть, откачают из бутылки немножко электронасосом и, поболтав в своих колбах и испарив на электроспирали, скажут, что она есть чистая водопроводная вода. Потому что знал милиционер товарищ Марусин старуху Лукоморьевну из Старой Руссы — она ему в детстве не раз драла уши за озорство, потому что Марусин сам по рождению был старорусский. Но не замечал он за ней

ничего волшебного, разве что пела она очень красиво, хоть и была старая. Ну, а чтобы исчезать с протяжным круговым свистом да ещё оставлять после себя сияние...

И тут распахнулась дверь.

В кабинет зачихался первый «А» класс — впереди Попугаев Вовка.

И говорит Вовка:

— Я преступник. Арестуйте меня...

Первый «А», перебивая друг друга, рассказал милиционеру товарищу Марусину о волшебнице Маков Цвет и обо всём, что им на сердце легло.

Опять возникает вопрос — почему милиционеру, а не профессору?

И ответ опять тот же — дети полностью верят только собакам, сказкам и милиционерам. Правда, милиционеры сказкам верить не должны. Но милиционер товарищ Марусин — дело особое, поскольку он старший инспектор по работе с ребятами и стариками. А эту работу, кроме как сказочной, не назовёшь.

— Похоже, вы попали на след, — сказал милиционер товарищ Марусин. — Похоже, эта Лукоморьевна — старуха затаённая. Она мне в детстве уши драла — до сих пор горят. Но не в этом дело... — Он взболтнул зелёную воду, перевернул бутылку и под удивлённое аханье первого «А», спросил: — Где ковёр?

— В музее забыли, — сознался первый «А» класс. — Мы когда всё это безобразие увидели, испугались шишко. Вам бы увидеть, и вы бы не устояли.

— Да, — вздохнул милиционер товарищ Марусин. — Не устоять. Если и вправду ушла красота из Новгорода.

В отделении милиции было пусто. Тихо. Все на ногах. Ещё бы — эпидемия, подкосившая старых мастеров, неведомая доселе болезнь! Медицина определила её как глубокую сердечную печаль с тоскливыми галлюцинациями.

А тут ещё этих молодых людей и девиц в Новгород понабилось грязновато-прыщавой наружности. Торгуют разрисованными мешками.

А тут туристы прикатили — сорок автобусов. Цыганский хор. Молодёжная труппа. Двадцать два силача. Театр марионеток. Передвижная выставка молдавских вин. Три знаменитых поэта и «Мюзик-холл».

Дежурные у телефонов нервнича-

ли. Резервное подразделение сидело в машине с мигалкой.

А милиционер товарищ Марусин ребят слушал.

Первый «А» доложил ему о плане выведения муравьёв, питающихся исключительно резиной и пластмассой. О внедрении в спорт новой игры под названием «ватерхоккей», чтобы Вовка Попугаев, на худой конец, мог стать чемпионом и памятником. О специальных корреспондентах, кандидатах наук, автографистках, осаждающих Вовкин дом. И о том, что Вовка теперь изображён на мешках, ставших модными.

— Нам бы Лукоморьевну разыскать, — сказал милиционер товарищ Марусин. — Она бы помогла нам на волшебницу Маков Цвет выйти. А то, думаю, не так вы Вовку спасаете. Думаю, о красоте думать надо, тогда Вовка сам собой выровняется...

А Вовка Попугаев вдруг опять услышал голос последней надежды: «Помоги, Попугай!.. Помоги!»

— Иду! — закричал Вовка на всю милицию. И исчез. Как был в валенках, в зимнем пальто на вате, в шапке-ушанке и в варежках.

Рис. Ю. Беломлинской

(Окончание следует)

«...БОЛЬШЕ ВСЕГО Я ЛЮБЛЮ РИСОВАТЬ ПРИРОДУ»

(К детским рисункам на 1-й и 4-й страницах обложки)

Чтобы понять рисунок, лучше всего поговорить с его автором.

— Почему я люблю рисовать цветы! Да потому что они красивые. Особенно тюльпаны и маки. Или одуванчики — они как солнышки. Летние цветы люблю очень! Но больше всего — весенние. Потому что родилась весной. Первого марта — мой день рождения, после него приходит тепло, а потом всё начинает цвести... Когда я рисовала этот букет

в кувшине, я хотела, чтобы все увидели — какие цветы красивые...

Вот как интересно прокомментировала Катя Сырникова свой рисунок «Букет». Мы поместили его на 1-ю страницу обложки.

А на 4-й странице рисунок «Выставка собак» Маши Заборовской. Вот что рассказывала Маша:

— Когда я была маленькой, то очень хотела иметь дома собаку. Собаки не было, но на выставки собак ездила несколько раз. Так что на этом рисунке мои давние впечатления и мечты. Сейчас больше всего люблю рисовать природу: деревья, цветы, Неву... И ещё Ленинград, его старые уютные дворики.

Катя Сырникова и Маша Заборовская учатся в ленинградской городской художественной школе. Мы публикуем их рисунки и закрываем наш конкурс — на лучший детский рисунок для «Искорки».

А как же иначе! Ведь идут каникулы!

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12

РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы получили много писем, в которых вы, ребята, высказываете своё мнение о том, что же произошло с «отцом» Игоря Бондаренко — мальчика, которого пригласили сниматься в кино.

Все письма говорят об одном и том же — рабочие поступили правильно, что не уволили оступившегося, потерявшего опору человека. За людей надо бороться, надо помогать им — вот общее мнение наших корреспондентов.

Однако в некоторых письмах сквозит недоумение.

«Как же так! — спрашивает ученица 8-го класса Маша Гайдук. — Ведь моральное падение этого рабочего, «отца» Игоря, началось с того, что его несправедливо уволили. А где же был Закон, который всегда и везде должен восстанавливать справедливость? Почему кому-то сошло с рук явное беззаконие! Разве законы у нас не для всех обязательны!»

Мы показали это письмо Олегу Данилову.

— К сожалению, подобные факты встречаются, — прочитав, заметил Олег. — Несправедливо уволили, несправедливо заплатили, несправедливо обвинили... Что и говорить — бывает! Но меня настораживает то, как Маша ставит вопрос... «А где же был Закон!» — пишет она. Разве всё зависит только от Закона!

Через несколько дней Олег принёс в редакцию новый рассказ.

— Я надеюсь, — сказал он, отдавая нам своё произведение, — что читатели поймут, в чём заключается Машинка ошибка. А помогут им наши постоянные герои: ЧЕЛОВЕК, ЗАКОН, ВРЕМЯ.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Закон
и
справедливость

Человек вынул из портфеля глянцевого лист бумаги. «Авторское свидетельство» — написано было на листе. Человек осторожно погладил его рукой, внимательно — в который раз! — прочитал то, что было на нём написано, потом положил авторское свидетельство на стол и **полюбова**лся им издали. «Надо будет, — подумал он, — заказать рамочку, вставить в неё авторское свидетельство и повесить на стенку. Ведь это — моё изобретение!»

— У тебя дверь открыта, — раздался весёлый голос. — Можно я войду?! О! Поздравляю!

— Спасибо, Друг! Заходи! — воскликнул Человек. — А твои-то дела как?

— Не знаю, как и благодарить тебя! Ты же мне так помог! Если бы не ты!.. Завтра жду на новоселье! В новую двухкомнатную квартиру!

— Обязательно приду! — сказал Человек. — Очень рад! А посмотри в окно! — воскликнул Человек, случайно выглянув во двор.

Под окнами стоял милицкий фургон. Сопровождаемый двумя сотрудниками, из подъезда вышел плотный краснокожий тип. Он шёл, опустив голову, держа руки за спиной. Все трое сели в фургон, хлопнула дверца, и фургон уехал.

— Ну что ж, поделом ему... Доигрался! Справедливость восторжествовала!

— А ведь всё могло быть по-другому! — тихо произнёс Человек. — Хочешь, я расскажу тебе, с чего началась эта история? Итак, всего два года тому назад...

...Человек сидел за столом, обхватив голову руками.

— Что за жизнь! Что со мной происходит? Ну, предположим, был бы я лентяем, прогульщиком — тогда, как гово-

рится, поделом мне! Но ведь я честно работаю, нормально себя веду, делаю всё, что от меня требуют! Может быть, мне просто не везёт? Да, наверное, я самый обыкновенный неудачник!.. Не зря жена меня так называет.

— Привет тебе, Человек! — раздался уверенный голос, и перед расстроенным Человеком появился его старый знакомый — Закон.

— Что случилось? — спросил он. — Почему ты такой грустный? Может быть, я помогу тебе?

Человек махнул рукой и тяжело вздохнул.

— Не первый раз мы с тобой разговариваем, — сказал он. — И ты меня извини, но я начинаю сомневаться в твоих силах. Всё у тебя на словах получается хорошо, справедливо, а на деле!..

— Говори конкретно! — потребовал Закон. — Что случилось?

— Я работаю конструктором, — начал свой рассказ Человек, — придумываю разные машины. Я уже десять лет работаю, и опыт у меня накопился, и умение. Да и способности есть — чего скромничать. А что получилось? Начальник нашего бюро ушёл три года назад на пенсию. Назначили другого. У него и опыта нет, и с людьми он ужиться не умеет. И тем не менее, он — начальник! А я придумал и разработал очень нужную машину — она повышает производительность труда примерно раза в три. А новый начальник, не разобравшись, взял да и закрыл мою работу. Разве это справедливо?

— Нет, несправедливо! — согласился Закон. — Это всё?

Во дворе раздался шум мотора. Новенькие, сверкающие хромом и лаком «Жигули» остановились у подъезда. Из ма-

шины вышел плотный краснолицый тип в кожаном пиджаке с пакетом в руках.

— Вот! — заявил Человек. — Полюбуйся! Сосед!..

— А кто он? — поинтересовался Закон. — Где работает?

— А вот представь себе — не знаю! — зло сказал Человек. — Хотя знаком с ним очень хорошо. Судя по всему, нигде не работает, а у него машина, две дублёрки, золотой перстень на пальце... Скажешь, справедливо?

— Нет! — снова согласился с Человеком Закон. — Это безобразие и незаконие!

— А ещё у меня есть Друг, — сказал Человек. — Живёт в однокомнатной квартире с женой и двумя детьми. Месяц назад в нашем доме освободилась двухкомнатная квартира — люди, которые там жили, уехали на Дальний Восток. Все мы были уверены, что квартиру эту дадут моему Другу с семьёй — ведь он имеет на это право! И что ты думаешь?

— Не дали? — удивился Закон.

— Нет! Дали вот этому... с машиной. Одному человеку — двухкомнатную! Справедливо?

— Нет! — в третий раз согласился с Человеком Закон. — Конечно, нет!

— Вот то-то и оно! — печально сказал Человек. — А теперь вспомни — что ты мне говорил раньше? «Законы действуют в интересах трудящихся!» Ты обещал помогать мне, меня поддерживать. А получается, что в жизни — совсем по-другому!..

— Ты прав в одном, — заметил Закон, — я обещал помогать тебе. И я это сделаю. Вместе со своим старым товарищем — Временем! Эй, Время! Где ты?

— Я здесь! — раздался голос Времени. — Я всегда ря-

дом! Что тебе нужно, Закон?

— Мы с тобой должны помочь Человеку, — сказал Закон. — Поэтому вот что! Вернись немного назад! Что для тебя каких-то два-три года!

— Хорошо, — ответило Время. — Я вернусь. Я уже вернулся! Действуйте, Человек и Закон!

...В конструкторском бюро за кульманами сидели люди и сосредоточенно чертили. У окна работал Человек. Рядом с ним, незаметно для остальных, встал Закон.

— Товарищи! — раздался резкий окрик. — Прошу прекратить работу! Проведём небольшое совещание.

На середину вышел начальник.

— Дело вот в чём! — заявил он. — За ту неделю, которую я проработал, возглавляя это бюро, я изучил темы некоторых разработок. В частности, вашу! — он небрежно махнул рукой в сторону Человека. — Мне кажется, создаваемая вами машина бесперспективна, а потому никому не нужна. Работу над ней я предлагаю прекратить. Однако, — продолжал он, — я не хотел бы решать этот вопрос единолично. Я готов выслушать мнения сотрудников. Прошу выступать!

Все конструкторы посмотрели на сидящего у окна Человека — ведь речь шла о его машине!

— Давай! — тихо сказал Закон. — Встань и скажи то, что считаешь нужным!

Человек встал.

— Мне казалось... — запинаясь, проговорил он, — что машина нужная... И расчёты показывают... И с завода интересовались, торопили даже... Но если вы, товарищ начальник, считаете, что работу нужно прекратить, то действительно... вам видней. Я возражать не буду...

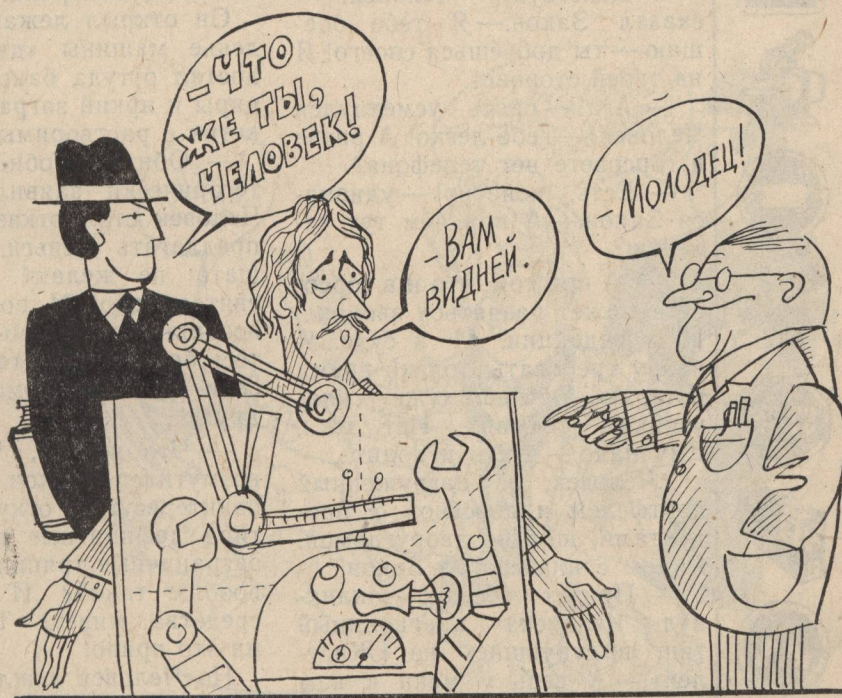
— Молодец! — удовлетворённо сказал начальник. — Надо уметь признавать свои ошибки! Всё. Совещание закончено.

Конструкторы, недовольно перешёптываясь, вновь склонились над кульманами.

— Что же ты, Человек? — спросил Закон. — Ведь ты не согласен с начальником! Поче-

...В отделе учёта и распределения жилой площади былолюдно и шумно. Человек сидел у стола инспектора — пожилой усталой женщины — и громко возмущался. Рядом с ним, незаметно для окружающих, стоял Закон.

— Да... — кивала головой женщина-инспектор. — Да... Безобразие... Возмутительно...

му ты прямо не сказал ему об этом? Твои коллеги тебя бы поддержали. За новое всегда нужно бороться!

Человек усмехнулся.

— Ты что, Закон? Хочешь, чтобы я поссорился с начальником? Что я, по-твоему, ненормальный? Мы с женой и с сыном собираемся в августе к морю, а он возьмёт и перевинет мне отпуск на ноябрь! — Не имеет права! — заявил Закон.

— Не имеет! — согласился Человек. — А если я начну возражать да спорить, мне вообще житья не будет. Лучше жить потише... Так спокойнее...

Решение вашего кооператива надо было отменить... Безусловно, ваш Друг с женой и детьми имеет все права! А почему он сам не пришёл?

— Он говорит — неловко ему самому! — объяснил Человек. — Так в чём дело?

— Видите ли... — женщина понизила голос, — по поводу этой квартиры был звонок. Нас очень просили... И мы пошли навстречу...

— А кто звонил? — хмуро поинтересовался Человек.

— Не знаю, — замаялась женщина, — я не разобрала.

— Так может быть, — воскликнул Человек, — этот жу-

лик вас обманул? Взял и сам позвонил?

— Не исключено,— задумалась женщина.— Но с другой стороны... Кто знает... А вдруг?.. Впрочем— вас этот звонок не касается. Если вы обратитесь в горсовет, в газету, наконец, в суд!— права вашего Друга будут восстановлены.

— Действуй, Человек!— сказал Закон.— Я тебе обещаю— ты добьёшься своего! Я на твоей стороне!

— Ага!— опять усмехнулся Человек.— Тебе легко! А разве в горсовете нет телефона?

— Есть, конечно!— удивился Закон.— А при чём тут телефон?

— А при том, что и в горсовете может раздаться звонок... И в редакции. И в суде. Я начну требовать, только время потеряю. А то ещё хуже— кляузником объявят. Нет уж... Ему надо— пусть и ходит...

...Человек, нагруженный портфелем и авоськой с продуктами, шёл по двору домой. Рядом с ним шагал Закон.

— Привет соседу!— окликнул Человека краснолицый тип, высунувшись из «Жигулей».— А ведь у меня к вам дело. Вы инженер?

— Да,— подтвердил Человек.

Краснолицый протянул ему обломок металлической шутовины.

— Крестовина полетела,— пожаловался он.— Я договорился, чтобы сделали, так они чертёж требуют, а я в этом деле— увы! Не поможете?

— Давайте,— согласился Человек, сунул обломки в портфель и пошёл было дальше. Но краснолицый вылез из машины, широко улыбаясь, взял Человека за локоть и стал рассматривать с головы до ног.

— Брюки у вас,— вздохнул он,— ширпотреб... Да и ботиночки не того... Отстаёт наша лёгкая промышленность от мирового уровня!.. Могу предложить,— он понизил голос,— итальянские сапоги фирмы «Крокодайл»... Фирма!.. Батник французский для супруги... американские «бананы»... Для вас всё это без наценки! А для начала сувенирчик!

Он открыл лежащий на сиденье машины «дипломат» и достал оттуда баночку чёрной икры и яркий заграничный пакетик с растворимым кофе.

— Обидите, обидите!— категорически заявил он, когда Человек стал отказываться и предлагать деньги.— И слушать не желаю! Подарок— святое дело! И вообще, если возникнут проблемы, обращайтесь без всякого стеснения! Соседи должны помогать друг другу!

— Что же ты, Человек?— возмутился Закон.— А ну-ка, поинтересуйся, откуда у этого типа дефицитные продукты и заграничные тряпки? И кто он вообще такой? И на какие средства живёт? Ты имеешь на это право!

Но Человек вежливо попрощался с краснолицым и пошёл прочь.

— Кто он такой?— с усмешкой переспросил Человек, когда они с Законом отошли от машины.— По-моему, ясно! Типичный спекулянт. Но ведь наверняка тоже не лыком шит. У него и справки есть, и на работе он где-нибудь числится. Начнёшь в это во всё влезать— сам в дурачках останешься!

— Всё!— сказал Закон.— Хватит. Эй, Время! Возвращайся обратно!

Человек, печальный и растерянный, сидел за столом. Сурово смотрели на него Закон и Время.

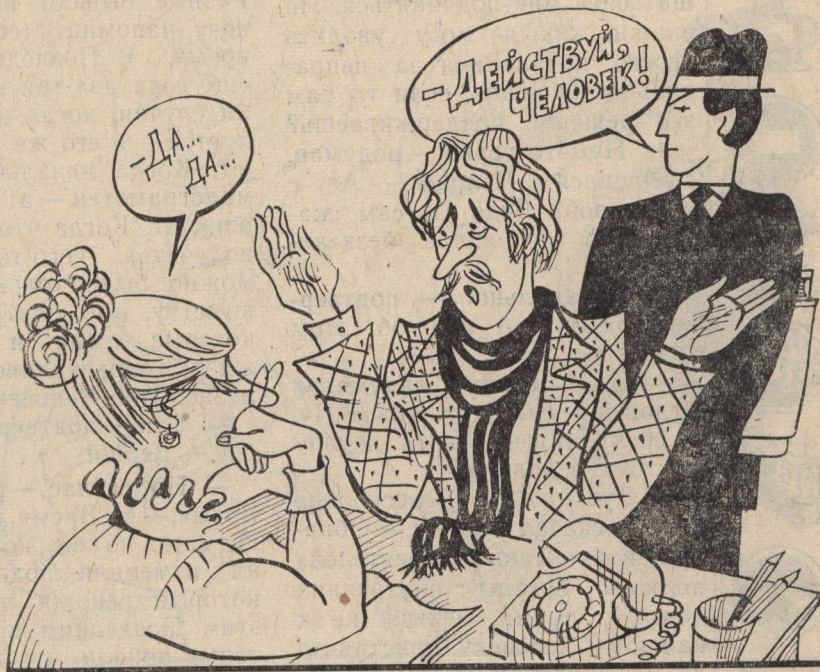

— Да, — сказал наконец Закон. — Хорош ты, нечего сказать... Ну вот — всё и выяснилось! Ты жаловался на несправедливость! Но скажи — разве не ты сам виноват в том, что с тобой случилось? Ты мог разоблачить малограмотного начальника — и промолчал! Ты мог обжаловать незаконное действие жилищного отдела — и не сделал этого! Ты мог, на-

государство окажется беднее, чем могло бы быть!

— Ну, предположим, — неохотно согласился Человек. — А история с квартирой? Друг сам виноват, что он такой стеснительный! Он и пострадал.

— Нет! — опять возразил Закон. — Пострадал не только твой Друг. Где гарантия, что напуганная инспекторша

конец, схватить за руку спекулянта — а вместо этого вступил с ним в сговор! Чему же тут удивляться?

— В конце концов — это моё личное дело! — заявил Человек. — Ну, не стал я изобретателем, — что же делать? Значит, не судьба...

— Нет, Человек, — возразил Закон, — ты ошибаешься. Не только в том беда, что ты не получил авторское свидетельство. А в том, что наши заводы не получили новую, более производительную машину. Значит — будет выпущено меньше продукции, значит —

и дальше не будет верить жульническим звонкам? Её не остановили вовремя — и она будет действовать в том же духе... Про спекулянта я и вообще не говорю — он систематически обворовывает множество людей! Вот тебе и личное дело...

— Интересно ты рассуждаешь! — возмутился Человек. — Почему всё — я? Схватить — я, разоблачить — я!.. А ты, Закон, для чего тогда существуешь?

Закон нахмурился и сокрушённо вздохнул.

— Да, — сказал он. — К со-

жалению, это довольно распространённое заблуждение, не ты один так думаешь. Дескать, Закон — сам по себе, я — сам по себе. Есть суд, прокуратура, милиция, народный контроль — вот они пускай и разбираются. Так, что ли?

— Так! — с вызовом сказал Человек. — Именно!

— Помни! — произнёс Закон. — Я, Закон, могу очень многое. Все обязаны меня слушаться и мне подчиняться. Но скажи, как я могу уволить твоего начальника за неправильное решение, если ты сам это решение поддерживаешь?

— Ну, это верно, — подумав, согласился Человек. — А с квартирой? Ведь ты сам сказал, что это явное беззаконие!

— Правильно! — подтвердил Закон. — А кто об этом знает?

— Да, — опять задумался Человек. — Выходит, так... Ну, а спекулянтов ловить неужели тоже я должен?

— Тут дело несколько иное, — сказал Закон. — Обнаруживать таких «деятелей» должны органы внутренних дел. Но пойми, нельзя же к каждому человеку приставить по милиционеру, чтобы тот периодически проверял — честно этот человек живёт или нет? Ведь никакой милиции не хватит! Твой долг, как гражданина, сообщить о замеченных тобой нарушениях законности! И тогда милиция начнёт действовать! Понял?

Человек забарабанил пальцами по столу и задумался. На этот раз надолго.

— Эх, Закон, — сказал он наконец. — Ты думаешь, я сам всего этого не понимаю? Связываться неохота, вот в чём дело!..

— Вот так! — сурово произнёс Закон. — Ты о многом за-

был, Человек! Когда-то ты, не страшись крови и смерти, палачей и карателей, смело шёл на борьбу за справедливость. Так почему же теперь ты «не хочешь связываться»? Что с тобой случилось, Человек?

— Ты, Закон, слишком суров, — вмешалось в разговор Время. — Человека можно понять. Я думаю, он не потому пассивен, что боится неприятностей. Дело тут в другом... Разные бывают времена, и я хочу напомнить тебе Последнее время... В Последнее время — ещё года два-три назад! — были случаи, когда кто-то пожалуется — а его же и наказывают. Когда начальник глуп и малограмотен — а его поддерживают. Когда что-то достать, получить, чего-то добиться можно было только по знакомству, «по блату». Вот некоторые люди и подумали: ждать справедливости бесполезно. Так, Человек?

— Так, — подтвердил Человек. — Верно!

— Но сейчас, — продолжало Время, — я, Время, изменилось. Не само по себе, конечно, — меня изменили люди. Те люди, которые решили покончить с этим Последним временем, которые поняли, что дальше так жить нельзя. И наступило другое Время — Время перемен. Оглянись вокруг, Человек! Перестройся! Пойми, всё зависит от тебя и от таких, как ты! В твоих силах восстановить справедливость там, где она нарушена. Закон — твой первый помощник в этом деле. Но главный здесь — ты сам! Вперёд, Человек! За дело! Я, Время, требую этого!

— Я понял! — воскликнул Человек. — Я буду действовать! И вместе с Законом мы добьёмся порядка и справедливости!

— Так и будет! — уверенно сказал Закон. — Этим спеку-

лянтон я займусь сам,— пообещал он,— достаточно того, что я о нём узнал. А про квартирные дела своего Друга — пиши заявление.

— Но тогда,— засмутился Человек,— получается, что я требую выселения этого типа из квартиры...

— Именно, — подтвердил Закон.— И стесняться тут не-

явились новые идеи, чувствую, они мне пригодятся. И как только новый вариант будет готов, добьюсь его внедрения!

Человек вытащил из-за шкафа чертёжную доску, приколол к ней чистый лист бумаги, взял линейку, остро отточенный карандаш и аккуратно провёл первую линию... Задумался... Погрыз карандаш...

чего. Иначе он будет продолжать в том же духе. Пиши!

Человек написал заявление в отдел учёта и распределения жилой площади и вручил его Закону.

— Дату поставь! — указал Закон.— Теперь порядок. Ну, а что же будет с твоим изобретением?

Человек пододвинул к шкафу стул, залез на него и достал рулоны ватмана.

— Вот мои чертежи! — сказал он.— Я забросил их... А теперь восстановлю то, что сделал... Или нет — лучше я разработаю новый вариант. Ведь прошло три года! У меня по-

Провёл ещё одну линию... Наметил циркулем окружность... стёр её резинкой. Провёл плавную кривую...

— Всё в порядке, Закон! — заметило Время.— Он понял. Он работает. Не будем ему мешать!

— ...Вот так, Друг,— закончил свой рассказ Человек.— Теперь ты понимаешь, что всё могло кончиться совсем не так прекрасно!

Друг, задумавшись, побарабанил пальцами по столу.

— Нет! — воскликнул он.— Ты неправ!

— Почему? — удивился Человек.

— А вот почему, — улыбнулся Друг. — Ведь ты не один на свете! Хорошо, что ты вовремя сообразил, что к чему, и начал действовать! Но, я думаю, и другие люди не глупее тебя! Может быть, кто-то из твоих товарищей вступился бы за твоё изобретение! Кто-то из жильцов вашего дома раньше тебя разоблачил бы соседа-

спекулянта! Ведь ты помог мне! Так же и кто-нибудь другой помог бы тебе! И справедливость всё равно бы восторжествовала! Иначе не может быть!

— Пожалуй! — согласился Человек. — Иначе не может быть. Но как всё-таки хорошо, что взялся за дело я сам!

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы очень рады, что Олег Данилов в своём новом рассказе своевременно поднял очень важный разговор о социальной справедливости.

Социальная справедливость является основой нашего строя, вытекает из самой его сути. Но, к сожалению, бывают ещё случаи, когда принцип справедливости нарушается, а люди, сталкиваясь с такими нарушениями, теряются, отходят в сторону, отказываются от борьбы за восстановление законных прав. А ведь именно мы — каждый из нас! — должны смело и решительно ставить заслон деятельности тех, кто мешает нашему движению вперёд.

Вот что говорил в Политическом докладе на XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв:

«Мы не сможем продвинуться вперёд ни на шаг, если не научимся работать по-новому, не сумеем преодолеть косность и консерватизм в любых их проявлениях, если утратим мужество трезво оценивать обстановку, видеть её такой, какая она есть!»

«Необходимо поднимать активность трудящихся, всех и каждого, в сознательной работе, в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отступлений от норм нашего права и морали».

«Признано необходимым уже в ближайшее время осуществить дополнительные меры, направленные против тунеядцев, расхитителей социалистической собственности, взяточников, против тех, кто встал на путь, чуждый трудовой природе нашего строя».

Одним из проявлений социальной справедливости является соблюдение принципа «Каждому — по труду». Поэтому советские люди с удовлетворением восприняли Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов». Теперь взяточникам, спекулянтам и расхитителям поставлен надёжный заслон!

ЕЩЁ РАЗ ОТ РЕДАКЦИИ

РЕБЯТА!

И капитан Соколов, и прокурор Кириллов внимательно следят за нашими публикациями в серии «Именем Закона!..». Недавно Николай Николаевич позвонил нам.

— Скажите, — спросил он. — А не пора ли подвести итоги конкурса?

— Какого конкурса! — удивились мы.

— Как — какого! — в свою очередь удивился Кириллов. — В каждом номере вы задаёте вопросы, ребята на них отвечают — одни лучше, другие хуже! Им же наверняка интересно узнать — кто отвечает правильнее всех! На ваших глазах идёт творческое соревнование юных юристов — а вы и не замечаете! Нехорошо...

Мы подумали и пришли к выводу, что прокурор Кириллов прав.

Посоветовавшись, мы приняли следующее решение:

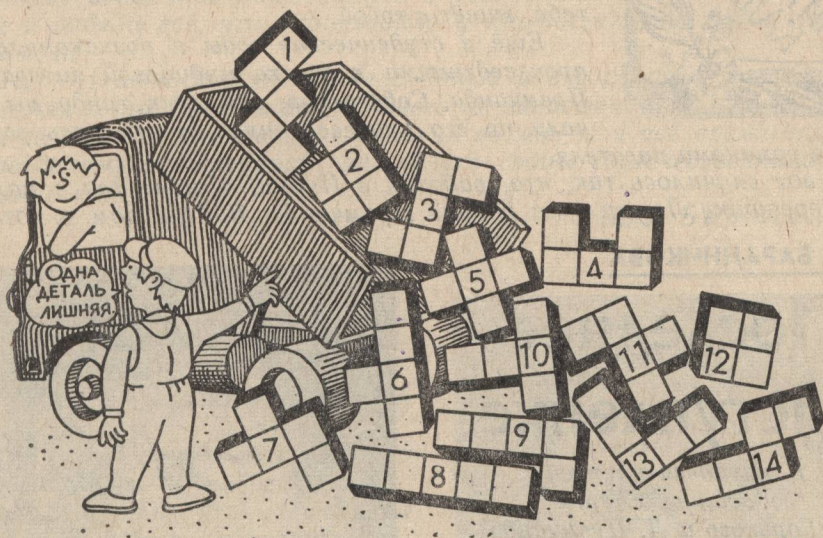
1. Считать всех, кто прислал письма в серию «Именем Закона!..», участниками конкурса «Знаешь ли ты Закон?».

2. Итоги конкурса подвести в начале 1987 года. Из числа участников выделить десять человек, чьи ответы окажутся наиболее верными и полными. А потом из этих десяти определить самых наилучших.

3. Победителей наградить подарками.

4. Председателем жюри считать прокурора Н. Н. Кириллова, членами жюри — капитана В. И. Соколова и писателя Олега Данилова.

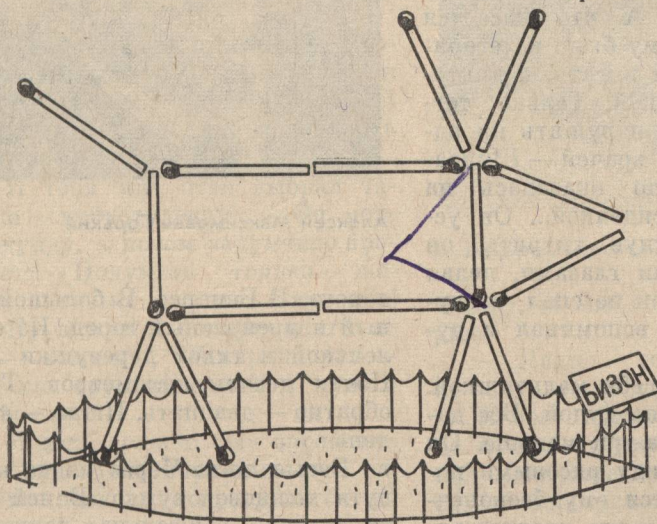
УСПЕХОВ ВАМ, ДРУЗЬЯ! ЖДЁМ ВАШИХ ПИСЕМ.

СЛОЖИ КВАДРАТ

На строительство детской площадки привезли детали фундамента для качелей. Но одна из них оказалась лишней. Какую деталь придется везти обратно?

Три „альп—узла“

НЕ ОБИЖАЙТЕ БИЗОНОВ

«Бизон! — удивился Дима. — А я думал, что они все уже вымерли».

Бизон обиделся и отвернулся от мальчика.

Переложки две спички так, чтобы бизон и на рисунке стал смотреть не вправо, а влево.

Три „альп—узла“

Бывает, что какое-то событие или чей-то рассказ произведёт на тебя настолько сильное впечатление, что ты долгие годы помнишь его так ясно и подробно, словно видишь рассказчика, слышишь его голос, наблюдаешь за его мимикой и жестами. Словом, это событие навсегда входит в тебя, живёт с тобой.

Ещё в студенческие годы я познакомилась с произведениями классика индийской литературы Премчанда. Собственно, сам язык хинди мы изучали по его произведениям, зачитываясь расска-

зами и романами писателя.

И вот случилось так, что, работая в Индии, я побывала в маленькой деревушке Ламхи — на родине Премчанда. Видела дом, в котором

Римма БАРАННИКОВА

Последнее выступление

*К пятидесятилетней
годовщине смерти*

М. Горького и Д. Премчанда

Он давно и тяжело болел. Настолько тяжело, что врачи запретили ему не только выходить из дому, но и вставать с постели, читать, встречаться с людьми. Кроме самых близких, конечно. А что касается работы... Тут уж ему было категорически запрещено и писать, и диктовать. «Полный покой. Только тогда...» И он не мог нарушить ни одно из предписаний врачей — Шивранидеви неожиданно оказалась на редкость строгой сиделкой... Он усмехнулся. Привыкнув хитрить, он лежал с закрытыми глазами, делая вид, что спит. Но он не спал, он думал и вспоминал, вспоминал и думал.

...Вот он видит себя мальчишкой. Он невысокий, очень худой. Все дают ему года на два-три меньше. Он идёт по дороге между рисовыми полями, и она кажется ему бесконечным мостом, потому что разлившаяся Ганга затопила поля. Вода блестит, как зеркало, и только одна дорога матовой змейкой уходит куда-то вдаль. «А почему — куда-то?» — думает он и сердится на себя за неоправданное слово: он ведь хорошо знает, куда ведёт эта

Алексей Максимович Горький

дорога. В Бенарес. В большой, шумный и прекрасный город. Из его маленькой и тихой деревушки Ламхи. Почти десять километров. Туда и обратно — двадцать. И так — каждый день.

Босые ноги. Через плечо перекинута холщовая сумка. В ней — книги, тетради, грифельная дощечка и... чапалы. Чапалы — для того, чтобы выглядеть прилично, когда он войдёт в Бенарес и обуется.

Сколько же он прошёл за все годы? И не сосчитать, пожалуй. Может быть, он обошёл земной шар? Может быть...

родился писатель. Была я и в его доме в Бенаресе, где прошли его последние дни. Познакомилась с его женой и с одним из его братьев.

Прошли годы. Но я не только до малейших подробностей помню всё, что увидела и в Ламхи, и в Бенаресе, и в школе имени Премчанда, но и чувствую себя почти причастной к тому, что случилось в июне далёкого 1936 года. Мне кажется, что в тот день я не только была в его доме и видела всё, что происходило у его постели, но даже слышала его мысли.

Про тот июньский день мне с болью и с гордостью рассказывала 80-летняя жена Премчанда. Я ничего не записывала, но словно впитывала её рассказ. Он многие годы жил во мне, и я всё время ощущала непреодолимую потребность рассказать своим соотечественникам, как всё это было...

Римма Баранникова

Неожиданно он произнёс вслух:

— Да полно, таким ли уж слабым мальчишкой я был?

И тотчас же над ним склоняется жена.

— О чём ты? — встревоженно спрашивает она. — Ты бредишь?

— Я вспомнил, что мальчишкой был слабым, тощим, маленького роста.

Шивранидеви улыбается:

— А ты, и когда женился на мне, не был ни высоким, ни толстым. Но вот слабым ты не был никогда.

По существу, это ответ на его вопрос себе: был ли он слабым? Он согласен — не слаб человек, который проделывает в день путь в двадцать километров.

— И тебя мне отец выбрал такую же — крохотулечку... — Он молчит секунду, а потом задумчиво продолжает: — Подумать только — женить мальчишку в пятнадцать лет!

— Ну а мне и четырнадцати не было! — говорит Шивранидеви. — Мне было грустно одной в чужом доме без тебя...

— Я ведь должен был зарабатывать! — запоздало оправдывается он, но жена ласково дотрагивается до его руки:

— Хватит, дорогой. Молчи. Тебе надо немного поспать. Не думай ни о чём. Спи.

— Не могу же я всё время спать, — сопротивляется он.

— Хорошо, хорошо. Побудь немного без меня. Я принесу молоко,

Дханпатрай Премчанд

патоку, и мы ещё немного поговорим.

— Ладно, — соглашается он. — Но не забудь — обещала поговорить.

И вот он уже думает о том, что не пришлось ему в своей коротенькой мальчишеской жизни ни драться, ни бороться со сверстниками — не было у него на это времени. А ведь именно так мальчики утверждают себя. Но и он утвердил себя. Только иначе. Тем, что стал писателем. Прошагал путь до поста председателя Всеиндийской ассоциации прогрессивных писателей. Сам, без намёка на помощь.

— И с моим именем считаются... Кажется, он опять говорит вслух? Он с испугом смотрит на дверь: нет ли в комнате Шивранидеви?

Её нет, но он всё равно огорчён своими мыслями, хвастливыми и несправедливыми. Как это никто не помогал ему? А история его народа? А события, происходящие в его стране и на всём земном шаре?

Он отводит глаза от двери и поворачивается к окну. Окно закрыто, но ему кажется, что он прекрасно видит всё, что происходит на улице.

Немного в стороне от окна стоит дерево. Почти единственное на всей улице. И по счастливой случайности — рядом с его домом. Он знает, что сейчас листья дерева стали тёмно-зелёного цвета. Нет, не так. Сейчас они сероватые: дожди ещё впереди, и пыль, бесконечная пыль большого каменного города, осела на листья. На тёмно-зелёные листья.

Прошлёпали быстрые босые ноги, заглушая на время скрип колёс. Рикша. А вот второй. Но уже на велосипеде. Он звонит и кричит: «Посторонись!» Велорикше легче...

Да, все эти шумы не заглушить ни стеклом, ни шторой. Их можно не слышать, если давно привык к ним, но если послушать...

Он слушает.

Вот идёт нищий и тянет свою заунывную песню: «Эк пайса миль джай, эк пайса миль джай!» Да, ему, бедняге, хотя бы одну пайсу. Он почти гол. У него торчат рёбра. Голос старческий. Наверное, седые волосы спадают на плечи грязными истончёнными прядями.

А это кто? Такие размеренные шаги и бряцанье железных кружек. Это — тоже нищий. Но — брахман, аскет. Он ничего не просит. Ему дают сами. В одну кружку еду, в дру-

гую — деньги. Впрочем, нет, в другую кружку — тоже еду. Его тело, конечно (а как же иначе?), обмазано глиной и посыпано пеплом. На лбу белой и жёлтой краской нарисованы зигзагообразные и прямые линии — знаки мудрости, знаний, святости. Вся его одежда — узкий кусок материи, охватывающий бёдра.

Но может быть, он ошибся?

Он прислушивается и удовлетворённо улыбается: не ошибся. Он слышит, как размеренные шаги замерли у дверей его дома. Потом услышал лёгкую поступь Шивранидеви. Что-то звякнуло о кружку аскета. Наверное, ложка, которой она пересыпала рис в его кружку. И снова — шаги аскета. Теперь он удаляется.

А это что? А-а! Тут и сомневаться не надо. И так слышно: продавец стеклянных браслетов — чури. Сейчас на улице яркое солнце, и браслеты, несомненно, сияют так, что жене приходится прикрывать глаза. Она какими-то словами перебила громкий распев торговца: «Самые красивые чури... Они сделают вас самой...» Но какими словами? Шивранидеви сказала их тихо, он не услышал, но — удивительное дело! — торговец сразу же умолк и... ушёл. Что же она сказала?

В комнату вошла жена. Жестом попросив поставить поднос ему на колени, он спросил:

— Скажи мне, как это тебе удалось так быстро отделаться от торговца чури?

— Откуда ты знаешь про торговца? Подслушивал?

— Конечно. Скучно же... Так что же ты ему сказала?

Он отщипывает кусочки любимой с детства патоки и, улыбаясь, ждёт, что ответит жена.

— Я?.. Я просто сказала ему, что ты болен.

— То есть? — не понимает он. — Ты сказала, что муж болен, и он сразу ушёл? Может, скажешь ещё, что и ушёл он на цыпочках?

— Да, на цыпочках. Ты не ошибся. Я сказала ему: «Премчанд болен»...

Он неожиданно падает на подушки и хохочет. Шивранидеви едва успевает подхватить поднос.

— Право, не знаю, хорошо ли для здоровья так смеяться?

— Хорошо, хорошо, — заверяет он, уже отсмеявшись. — Да ты просто вылечила меня. Простой торговец чури знает меня. Именно к этому я и стремился всю жизнь. И сейчас счастлив. Он, конечно, неграмотен. Но значит, обо мне ему кто-то рассказывал.

Шивранидеви снова уходит, и он остаётся в полумраке комнаты один. Он вдруг понимает, что так и не сумеет заснуть. Мысли о прошлом настойчиво требуют: «Не спи! Вспоминай! Раньше у тебя не было на это времени».

...Ему едва исполнилось шестнадцать, когда умер отец.

Он помнит отца. Тоже невысокий, худощавый. Пожалуй, этим и ограничивается сходство с ним. Медкий почтовый служащий, отец был человеком хмурым, не улыбчивым. Он старается, но не может вспомнить ни одного ласкового слова отца. И даже когда он говорил: «Учись, сын, учись, выходи в люди», — это звучало почти насмешкой. Правда, отец выделял некоторую сумму на учёбу сына, но вот время... Когда его вторая жена родила двоих сыновей, старший брат стал для них нянькой. Для занятий оставались лишь короткие южные ночи. Может быть, поэтому отец так рано его и женил? Ведь тоже нянькой стала безропотная девочка-жена. Бесплатная, беспрекословная...

Но вскоре отец умер, и на плечи шестнадцатилетнего мальчика легли тяжкие заботы о жене, мачехе и двух братьях. «Я обливала слезами эти три рупии, которые ты присылал», — вспоминает он недавние слова Шивранидеви. И горько ему.

Помнит он, с какой тоской и изумлением смотрел на дом, в котором родился. Специально приходил, смотрел, поражался — полно, дом ли это? Две крошечные каморки с земляным полом. Но когда больше ничего нет — то и это дом...

...Дом, который он построил, казался невиданно большим и прекрасным. И главное — в нём можно было работать: были и место, и свет. А заработок в восемнадцать рупий был несметным богатством. Он был тогда помощником учителя начальных классов. Много лет. «Начал с самых преподавательских низов», — думает он, вспоминая худощавого молодого человека в аккуратном одеянии. Молодой человек заметно смущается, когда многочисленные ученики почтительно кланяются ему и именуют «господином учителем».

А сколько лет он пробыл в помощниках? Да немалый срок — тридцать лет. Больше половины всей жизни. В следующем месяце ему стукнет пятьдесят шесть. И трудно понять сейчас — много это или мало? Наверное, много. Мать умерла, когда ей не было и двадцати пяти. Отцу не исполнилось и сорока... Он вдруг почувствовал, как страх сжал сердце и всё его существо возмутилось: мало прожил, мало! Его планы, наброски...

...Первые его рассказы появились в 1902 году. Тогда он скрыл своё имя под псевдонимом Наваб Рай. И жил с ним до 1908 года. О нём говорили сразу, удивляясь простоте стиля, необычности сюжета, необузданной смелости...

Входит жена. Он знает, о чём она сейчас думает: будить его или не будить,— вот о чём. С одной стороны — режим есть режим, но с другой: сон — лекарство.

Он не жестокосерден и помогает жене: вздыхает, потягивается, открывает глаза:

— Ты?! Ну и замечательно же я поспал! Наверное, час или два?

Шивранидеви молчит.

— А знаешь, какой мне сон приснился? — спрашивает он, хитря. — Я видел пожар.

— Пожар?! Костёр горел?! — пугается Шивранидеви. — Или дом?

— Нет, не дом. Книги горели.

— Книги?!

— Да. Понимаешь, я видел во сне, как во дворе полицейского участка разожгли костёр из книг. Костёр был не очень большим, но горел долго, потому что в него всё время подбрасывали книги. По одной. Одну за другой. А автор... я... стоял и смотрел...

Он замолкает.

— Это случилось двадцать восемь лет назад. А ты всё ещё не можешь забыть.

— Не могу. И это даёт мне силу жить и работать.

— Я знаю. И всё-таки те дни были так ужасны... Мы ведь не знали тогда, чем это всё кончится.

— Знали! — он упрям и категоричен. — Англичане думали, что, сжигая книгу «Любовь к родине», сожгут любовь автора к своей стране... Но мы знали, что этого не случится.

— И не случилось! — Шивранидеви с гордостью смотрит на него. Молчит минуту, а потом тихо говорит: — Но я не об этом. Ты не так понимал меня. Я о том, что тогда ты только случайно избежал тюрьмы.

— Но это ничего не изменило бы. Я продолжал бы писать и в тюрьме. Как Ганди. Как Неру...

— А департамент образования запретил тебе заниматься литературной деятельностью! — смеётся Шивранидеви.

— И автор книги — Наваб Рай — подчинился. Он ведь больше ничего не писал. Писать начал новый человек — по имени Премчанд. Чем плохо, а? И подчинился, и продолжал писать.

— Да,— соглашается жена и поднимается. — Одно вот плохо — болен ты.

— Но я поправлюсь! Смотри, лоб совсем холодный. Ел, спал хорошо. Так что дай мне газеты.

Она кладёт газеты на низенький резной столик и уходит.

Когда через час Шивранидеви вернулась, он стоял одетый для выхода.

— Куда ты?! Куда?! Тебе и с постели-то...

Он взглянул на неё строго и отрёшенно одновременно.

— Что случилось?

Он молча протянул ей газету. Она была перегнута так, что объявление сразу бросилось в глаза.

Шивранидеви прочла:

«Сегодня в семнадцать часов состоится траурный митинг по случаю кончины знаменитого русского писателя, классика мировой литературы Максима Горького. От Ассоциации прогрессивных писателей Индии на митинге выступит...»

— Но ведь не ты выступаешь,— поднимает она от газеты взгляд. — Я знаю, что ты очень любил его, знаю. Но ведь ты болен. — Она сокрушённо качает головой, но не говорит ему того, что потом в течение

многих лет говорила всем: «И как это я не просмотрела газеты именно в тот день!..»

— Выступаю не я, — соглашается он. — Но я должен ехать. И поеду! Иначе я не могу.. Иди, позови велосипедиста...

Она встаёт, но не спешит выходить из комнаты. Тогда он говорит укоризненно:

— Как ты не понимаешь?! Я люблю Горького. Я знаю его творчество. И уверен, что смогу сказать о нём лучше других.

— Это я понимаю. Но ведь он — не наш писатель. Он — писатель России...

— России?! — и взгляд и голос его полны гнева. — Ты не имеешь права говорить так! Ты — моя жена, и твои слова причиняют мне боль. Я всегда говорил и буду говорить, что Горький — писатель и человек со вселенской, мировой душой: он близок и понятен каждому честному человеку, в какой бы стране мира он ни жил!

Неожиданно он предлагает:

— Присядем на минутку. Я постараюсь объяснить тебе. Тогда ты, я уверен, всё поймёшь!

Они садятся на чарпай, и он говорит то, с чего через час начнёт свою речь на митинге:

— Я убеждён, что если бы простые люди нашей страны были грамотны, если бы произведения Горь-

кого были бы доступны им, а это не так — он пока не переведён на хинди, — они, наши индийские крестьяне, труженики, считали бы его одним из самых любимых своих писателей.

Сила Горького не только в том, что он раскрывает души людей, реалистически описывает нам жизнь во всём её многообразии, но главное в том, что он зажигает в сердцах людей священный огонь свободолюбия, жажды любить и служить людям. Его произведения, как сердце Данко, выводят людей из тьмы...

Шиврани слушает, и на глаза её набегают слёзы.

Муж умолкает на минуту, а потом поднимается, говорит:

— Остальное ты услышишь на митинге.

И вышел из комнаты. Она пошла за ним. Она понимает, что поступить иначе он не может.

Это было в конце июня 1936 года. Это было последнее выступление Премчанда. Он умер в октябре того же года.

Ещё через двадцать лет Шивранидеви жила всё в том же доме в Бенаресе. Дом этот стал издательством, где издавались произведения Премчанда, Толстого и Горького.

Рис. В. Шаронова

ГЛАВА ПЯТАЯ

За новым письмом

Капитан Жерар понимал: чтобы завоевать Сандрезу, нужно написать ей ещё одно письмо. С этой целью он и поскакал к своему двоюродному брату Жоффруа Валле, который сочинил то, первое послание.

Что-что, а водить пером по бумаге кузен капитана умел превосходно. Так же, как молоть языком всякий вздор. Бесстрашный капитан Жерар де Жийю, который мог взять за рога самого сатану, побаивался, откровенно говоря, общения со своим непутёвым братом. Болтливый язык подчас опасней пули или клинка. Особенно когда говорят о церкви и боге.

Единственное, что спасало Жоффруа Валле, было распространённое о нём мнение как о человеке слабоумном. Какой с дурачка спрос! Перед чудачествами Жоффруа Валле оказались бессильными и отец с матерью, и родные братья с сёстрами, и жена Анна. Он выкидывал такие колёнца, что окружающие только диву давались или в ужасе затыкали уши. Чтобы спасти Жоффруа, его близкие попытались официально, че-

рез суд, признать его слабоумным. Однако превё Парижа не поддержал их, сославшись на недостаточность фактов.

Недостаточность! Но можно ли назвать нормальным человека, который, к примеру, добровольно оставляет выгоднейшую и почётную должность королевского нотариуса-секретаря? Можно ли назвать нормальным человека, который сам о себе публично заявляет, что он слаб разумом?

Или взять последний случай. Раньше Жоффруа Валле, несмотря на свои непрерывные чудачества, благополучно, как и подобает добропорядочному семьянину, жил с женой Анной. Но вдруг он оставил её, перебравшись на улицу Гренель в дом каноника Феррье.

— Я полюбил другую женщину, — заявил он жене.

— И уходите к ней? — спросила Анна.

— Нет, — ответил он. — Я просто ухожу от вас.

Кто, кроме человека с расстроенной психикой, способен сделать подобное?

Спрыгнув с коня у дома каноника Феррье, где теперь обосновался Жоффруа Валле, капитан привязал

иноходца к колыу, вделанному в каменную ограду, и толкнул дверь в сад.

Однако дверь оказалась закрытой.

— Простите, сударь, — услышал капитан и оглянулся. — Вы, вероятно, к господину Жоффруа Валле? Он совсем недавно ушёл со слугой на рыбный рынок.

Шустрый мальчишка лет десяти в упор смотрел в глаза капитану.

Ну, чем не чудачество? В друзьях у тридцатидвухлетнего мужчины крутятся вот такие недомерки, с которыми Жоффруа разговаривает, словно со взрослыми.

— Тебя, кажется, зовут Жан-Жак? — сурово спросил капитан. — Ведь это ты перебил горшки в лавке горшечника?

— Было дело.

— Сбегай за Жоффруа! — приказал капитан, выскивая в кармане мелкую монету.

— Я и за так сбегаю! — откликнулся Жан-Жак. — Я вас, сударь, знаю. Вы — капитан Жерар де Жийю. Вы одной рукой подкову гнёте. Вы походите, я живо.

И босоногий мальчуган юркнул в проулок.

Жан-Жак родился в семье Люсьена Ледрома девятым. После Жан-Жака у Ледромов родились ещё трое детей. Где при такой ораве уследить за всеми? Только успевай кое-как прокормить да приобрести самое необходимое из одежды. И, естественно, чем реже Жан-Жак бывал дома, тем меньше хлопот доставлял он матери, бабушке и сёстрам.

Не один раз замечали мальчишки, что горшечник с соседней улицы не ходит к обеду. А раз он избегает обедни, значит — гугенот. И они решили проучить отступника.

Проникнуть в лавку горшечника через окно выпало на долю Жан-Жака. Его друзья караулили. После они каялись, что свистели изо всех сил. Но Жан-Жак так вошёл в роль, воюя с глиняными горшками, что ничего не слышал. Крепкой палкой крушил он направо и налево большие и маленькие горшки.

— Бей гугенотов! — кричал Жак. — Громи их! И вот этого толстопузого! И вот этого с тонкой шеей! Трах! Бах! Вот вам, гадам!

Он оглянулся лишь тогда, когда над ним нависла палка раза в три толще той, которой он громил горшки. Не палка, а целая дубина.

От первого удара дубины Жан-Жак успел увернуться. Дубина просвистела рядом, отбросив в сторону тяжёлый табурет и расколов надвое его толстое сиденье. От второго удара ему удалось уйти тоже. Но третий удар неминуемо достигал цели, и Жан-Жак, загнанный в угол, обречённо закрыл глаза, торопливо забормотав слова молитвы, обращённой к деде Марии.

Однако удара не последовало. Услышав пыхтенье и возню, Жан-Жак открыл глаза. Рука горшечника, занесённая вместе с дубиной, так и осталась за спиной. Её удерживал мужчина в огромном берете.

— Прочь! — сопел горшечник, пытаясь освободить руку. — Кто вы такой?

— Я ваш благодетель, — отвечал незнакомец. — Я спасаю вас от тюрьмы или от галер, где вы станете горько сожалеть о том, что расправились с маленьким негодником столь нелепым способом. Не лучше ли, оголив ему одно, специально предназначенное для той цели место, надрать его свежей крапивой. А после обработки отвести к отцу с требованием возместить лавке причинённый ей урон. В результате — вы снова будете иметь полную лавку горшков и избежите возможности попасть за решётку. Что лучше?

— Пожалуй, то, что предлагаете вы, — согласился горшечник. — Я вам весьма признателен, сударь. Вы, как я понимаю, зашли в лавку что-нибудь купить?

— У вас сегодня не слишком богатый выбор, — улыбнулся чужак в берете, оглядывая полки с черепками. — Я загляну как-нибудь в следующий раз.

Горшечник поступил в соответствии с советом незнакомца. Правда, вместо крапивы он использовал лозу,

«Рука горшечника, занесённая вместе с дубиной, так и осталась за спиной».

считая крапиву, хотя и жгучей, но слишком мягкой, а вечером повёл мальчишку к отцу.

— Деньги?! — взревел отец Жан-Жака Люсьен Ледром, который только что, усталый и раздражённый, вернулся домой. — Какие к дьяволу деньги? Да лучше бы вы убили этого мерзавца, чем приводить его ко мне. Нет у меня денег! А коль вы на месте не прикончили стервеца, то теперь это сдеаю я сам. У меня давно на него руки чешутся.

Нужно же было случиться, что когда Люсьен Ледром с кухонным ножом гнался за своим сыном Жан-Жаком по улице, навстречу им шёл тот же самый чудака в огромном берете.

— Сколько просит за побитые горшки горшечник? — поинтересовался он. А узнав сумму, возмущился тоже: — Вы правы, он определённо жульничает. Там было разбито значительно меньше. Разрешите, я сам рассчитаюсь с горшечником. У вас, вероятно, сейчас трудно с деньгами, месье... простите, не имею чести знать вашего имени.

— Люсьен Ледром, — сказал отец Жан-Жака и спрятал кухонный нож.

Так Жоффруа Валле подружился с маленьким Жан-Жаком.

— Небось интересно бить палкой чужие горшки? — спросил он у мальчишки.

— Смеётесь, сударь, — возразил Жан-Жак.

— Зачем же ты их бил?

— Так ведь горшечник — гугенот. Почему он не ходит к мессе? Гугеноты против Христа, веры и короля.

— Вовсе они не против Христа, веры и короля, — возразил Жоффруа. — Они, вопреки издавна установившимся представлениям, считают, что во время причастия хлеб и вино в руках священника не на самом деле превращаются в тело и кровь Христа, а лишь символически. И потому в знак протеста не ходят к причастию. Понимаешь?

— Не-а, — признался Жан-Жак. — Не понимаю. А за такие слова, что вы говорите, если кто услышит...

— Испугался? — спросил Жоффруа. — Мысль, если она нова, чужда большинству людей кошунственной и страшной. Я не гугенот, но считаю, что гугеноты умнее католиков, от которых они отделились.

То, о чём рассказывал Жоффруа Валле, было слишком сложно для Жан-Жака. Так сложно, что не укладывалось в его сознании. Что там католики и гугеноты! Оказалось, что Земля, Луна и Солнце — космические тела, которые вращаются в мировом эфире. Звёзды тоже космические тела. Обо всём этом люди знали уже и две, и три тысячи лет назад, а Жан-Жак услышал впервые. Оказалось, почти

полторы тысячи лет назад в Древней Греции жил великий учёный Клавдий Птолемей, который доказал, что все звёзды и планеты находятся во вращательном движении. В центре нашей системы находится Земля, а Солнце, Луна и другие планеты вращаются вокруг неё.

— Это правда? — в восторге выдохнул Жан-Жак.

— Полторы тысячи лет считалось чистой правдой, — сказал Жоффруа. — А недавно в Польше умер другой учёный, Николай Коперник. Он пришёл к выводу, что Птолемей ошибся. В центре нашей системы, по мнению Коперника, находится Солнце, а Земля вращается вокруг него.

— И что? — в совершеннейшем потрясении спросил Жан-Жак.

— Когда-то убивали тех, кто присоединился к учению Птолемея, — сказал Жоффруа Валле. — Теперь начнут убивать тех, кто следует за учением Коперника. Люди никак не могут понять, что нетерпимость к чужой мысли, к желанию пересмотреть устоявшиеся взгляды — самое дикое качество. Бог наделил нас разумом, умением думать. Но умение думать — это способность каждого оце-

нивать окружающий мир по-своему. Кстати, знаешь ли ты, чем ты думаешь?

— Ясно, знаю, — сказал Жан-Жак. — Как и все — сердцем.

— Нет, мой юный друг, — возразил Жоффруа, — ты заблуждаешься. В той же Древней Греции лет за пятьсот до Птолемея жил великий Аристотель, он и сказал, что человек думает сердцем. Люди не сразу, но поверили ему. И две тысячи лет повторяли то, к чему привыкли. Но вот, уже в наше время, врач Андреас Везалий доказал, что человек мыслит головой, а сердце предназначено для того, чтобы перекачивать кровь.

— Да бросьте вы! — изумился Жан-Жак. — Расскажу мальчишкам, никто не поверит. На смех поднимут.

— Головой, головой, — подтвердил Жоффруа. — Аристотель был гениальным философом. Но даже гении ошибаются.

До всех этих событий Жан-Жак неплохо знал свою улицу да несколько соседних. Теперь перед ним распахнулся весь мир. И помог ему человек по имени Жоффруа Валле, в поисках которого Жан-Жак шнырял сейчас по рыбному рынку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Слабоумный в берете

В детстве Жоффруа подавал большие надежды, умиляя родителей незаурядными способностями, поразительным здравомыслием и стремлением говорить правду.

— Мама, — говорил трёхлетний малыш, — я испачкал свою курточку.

— Вижу, сынок, — отвечала мама. — Ты правильно сделал, что честно признался в этом. Сейчас её почистят.

— Но я испачкал её не случайно, — продолжал он. — Мы играли, а тут подошла очень красивая девочка с зелёным бантом. Я взял и нарочно испачкал свою курточку, чтобы девочка с зелёным бантом обратила на меня внимание.

— И что же девочка? — несколько растерянно спрашивала мама.

— Она меня всё равно не заметила, — сокрушённо отвечал трёхлетний Жоффруа.

Отец Жоффруа, которого тоже звали Жоффруа, гордился своим сыном и всячески поощрял его стремление говорить правду.

— Ты верно поступаешь, мой мальчик, — говорил он. — Будь таким всю жизнь.

Однако то, что умиляет в младенце, в отроке воспринимается как невоспитанность, неумение держать себя в обществе и, наконец, попросту как дерзость.

«— Сколько стоят эти симпатичные киты? — протискиваясь сквозь толпу на рыбном рынке, спросил Жоффруа у толстухи...»

Однажды, Жоффруа шёл тогда восьмой год, в доме Валле собрались гости. Разговор за столом коснулся злободневной темы: о том, что король поступает мудро, преследуя еретиков, что вольнодумство гугенотов подрывает устои церкви и государства.

— А я не понимаю нашего короля, — вдруг раздался звонкий голос Жоффруа-младшего. — Зачем король приказывает сжигать и вешать людей только за то, что они хотят молиться по-своему?

— Извинись! — жёстко и не без испуга сказал в наступившей тишине отец. — Сейчас же признайся перед всеми, что ты сказал глупость, иначе перед сном ты будешь три часа на коленях раскаиваться в своём поступке. А теперь убирайся вон!

И в школе ребята подтрунивали над Жоффруа, называя его чокнутым.

— Зачем ты всюду лезешь со своей откровенностью? — говорили они. — Хочешь показать, что ты один правильный?

— Просто я считаю, — отвечал он, — что нужно быть честным.

— Да будь ты хоть сто раз честным, — шумели они, — только молчи. Тебя ведь никто за язык не тянет.

— Какая же это честность, если я не согласен, а молчу? — удивлялся

Жоффруа. — Это как раз и есть бесчестность.

Когда Жоффруа Валле перевалило за двадцать, отец спросил его:

— Ты что, разделяешь убеждения гугенотов?

— В какой-то мере, — отвечал он.

— Что значит: в какой-то мере? — рассердился отец. — Когда идёт война, существуют только «за» и «против». Третьего не бывает.

— Я — с истиной, — отвечал сын. — А истина, на мой взгляд, в том, что глупо и дико убивать друг друга за несходство в мыслях.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, — ужасался отец. — Отдаёшь ли ты себе отчёт в том, как может закончиться твоя жизнь?

— Я хотел бы, — ответил Жоффруа-младший, — жить, как жили древние: «Faci guod potui, faciant meliora potentes» — «Я сделал всё, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше, — говорили они.

Да, его слабоумие явно прогрессировало.

— ...Сколько стоят эти симпатичные киты? — протискиваясь сквозь толпу на рыбном рынке, спросил Жоффруа у толстухи, которая в ширину удалась значительно успешней, чем в высоту.

То, что карасей называли китами, развеселило торговку. Она проник-

лась симпатией к весёлому покупателю.

— Берите, сударь, совсем задёшево. Берите, добрый человек, не пожалееете. Хозяйка останется довольна.

Упоминание о хозяйке огорчило Жоффруа.

Хозяйкой ему представлялась вовсе не Анна, от которой он ушёл, а чудесная незнакомка Анжелика Готье. Он увидел её три месяца и восемь дней назад в соборе Нотр-Дам. С тех пор каждую минуту её образ сопровождал Жоффруа, куда бы он ни шёл, чем бы ни занимался.

Он остался тогда ждать её на площади перед собором, хотя не знал, о чём станет говорить с ней.

Она шла и не видела его.

— Простите мою дерзость, — проговорил Жоффруа.

— Это вы? — тихо воскликнула она.

— Меня зовут Жоффруа Валле, — представился он. — Я видел вас в соборе, и непреодолимая сила заставила меня подойти к вам.

— Благодарю непреодолимую силу, — отозвалась незнакомка. — Я только что беседовала с вами. И вдруг вы — здесь. Меня зовут Анжелика Готье. Я молила вас спасти меня. А вы ответили: жди, я приду. И пришли.

— И от чего я обещал спасти вас? — спросил Жоффруа.

— От одиночества.

— Боюсь, что не сумею помочь вам. Страдающий зубной болью не может излечить от неё другого.

— Вы тоже одиноки?! — обрадовалась она. — Я поняла это сразу. Страшней одиночества нет ничего на свете.

— Нет, запрещение думать страшней одиночества.

— Но кто вам запрещает думать?

— Однажды мой слуга Проспер подумал вслух о смысле индульгенций. Если ты имеешь деньги, говорил он, то можешь купить себе индульгенцию — бумажку на отпущение любого греха. Получается: убивай, грабь, но часть награбленных денег потрать на индульген-

ции и живи в своё удовольствие. Возможно, Проспер и по сей день продолжает думать так же, но теперь никто не знает об этом.

— Почему?

— Потому, что ему вырвали язык.

— Боже! — ужаснулась Анжелика.

— А писать Проспера в детстве не научили.

— Ужасное время!

— Мне тоже вырвали язык.

— Вам?!

— Пустив слух о моём слабоумии.

Они переходили мост. Тёмная Сена плавно несла остатки разбитого плота. На трёх сцепленных вместе брёвнах сидел безродный коричневый пёс и тоскливо смотрел вверх по течению.

— Я помогу вам, — шепнула Анжелика.

— Вы уже помогли мне, — сказал Жоффруа. — Проспер не умеет писать... Но я-то умею! Это рядом с вами я додумался до такой прекрасной мысли.

— Писать? — спросила она. — О чём?

— О том, что думаешь.

— А чем ещё я могу вам помочь?

— Вы слишком прекрасны, чтобы... идти вместе со мной.

— Но вы не можете просто так исчезнуть!

— Прощайте, Анжелика, — сказал он. — Но поступить иначе я не могу.

С тех пор прошло три месяца и восемь дней.

Всё это время он пробовал писать. Но думать с помощью пера и чернил оказалось значительно сложнее, чем просто размышлять. Мысли ложились на бумагу коряво, не соединяясь одна с другой, или изливались столь большим количеством слов, что даже ему самому было подчас трудно докопаться до сути.

А один раз он написал Анжелике письмо. Нет, она того письма не получила и никогда не получит. Он писал ей, но... не для неё. Кузен влюбился в какую-то фрейлину... Написал, и ему стало легче.

— Месье! Месье! — услышал Жоффруа. — К вам пришёл кузен, капитан Жерар де Жийю.

...Зачем он снова понадобился кузену? Ещё одно письмо?

— Напиши ей так, — гудел капитан, — чтобы у неё от страха затряслись поджилки. Если она не опомнится, то потом пусть молится всем святым. Я ей устрою такое...

— Нет, — перебил кузена Жоффруа, — на такое письмо я не способен.

— Почему?

— Любовь, как и вера, чувства добровольные. Здесь принуждением не поможешь.

— Пиши, какое получится, — махнул рукой капитан. — Разве с тобой договоришься!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ангел высшего ранга

Очередной доклад вдовствующей королеве Екатерине Медичи о событиях вчерашнего вечера и минувшей ночи подходил к концу. Обычно утром Сандреза давала лишь краткий обзор происшествий, а сейчас, в середине дня, сообщала подробности.

— А как реагировал король на мой вчерашний визит в Оружейную палату? — спросила Екатерина.

— После того как его величество позволили себе кричать на вас и вы удалились из Оружейной палаты через тот же потайной ход, которым изволили прийти, король в ярости приказал немедленно заключить слесаря в Бастилию и вновь заменить на дверях все замки.

— Какой он всё ещё ребёнок, — зевнула Екатерина. — За ним нужен глаз да глаз. Но Бастилия мала, а моё терпение безгранично. Кому король на этот раз поручил сменить замки и сделать ключи?

— Король пожелал оставить это в тайне, мадам.

— Даю тебе на эту тайну три дня срока. Как он прекрасен, — сказала Екатерина, глядя на своего любимого пажу, златокудрого херувима Сен-Мора, который, натирая голыми коленками вощёный паркет, строил из разноцветных кубиков крепость.

— Он великолепен, — согласно закивали головами стоящие вокруг придворные. — Он божествен.

Божественный херувим вёл атаку на крепость. Деревянные солдатики брали её штурмом.

— Ура! — кричал он. — Гугеноты бегут! Никакой пощады изменникам!

— Мой маленький, — томно произнесла королева, — ты снова basiшь, словно мужик на конюшне.

— Ура! — тоненьким голоском закричал херувим. — Мы стёрли их в порошок!

Сандреза уже раз десять перечитала новое письмо капитана Жерара де Жийю, но всё равно мысли её были обращены к другому человеку, к тому юноше, который дрался на Пре-о-Клер и по ложному обвинению оказался в тюрьме.

— Ваше величество, — сказала Сандреза, — прошу вас оказать помощь бедному молодому человеку по имени Базиль Пьер Ксавье Флоко. Его обвиняют в убийстве с целью ограбления, хотя на самом деле он никого не грабил, а лишь благородно защищал свою честь.

— Как приятно, что ты просишь за бедного и простого человека, — умилилась Екатерина. — Справедливость — высшее из благ, которое мы, властители, должны постоянно восстанавливать. Мой маленький, — обратилась она к златокудному пажу, штурмующему игрушечную крепость, — как ты думаешь, нужно освободить оклеветанного рыцаря?

В числе советников, которые постоянно окружали Екатерину Медичи, златокудрый херувим Сен-Мор занимал далеко не последнее место. Это он в роковом 1559 году, когда не-

«— Ваше величество, — сказала Сандреза, — прошу вас оказать помощь бедному молодому человеку...»

Забвенный супруг Екатерины Генрих II собрался участвовать в придворном рыцарском турнире, предвещавшем, что поединок кончится неудачно. И словно в воду смотрел. Осколок копья графа Монтгомери попал в лоб короля, и спасти Генриха не удалось. С тех пор Екатерина свято верила каждому слову малыша. Правда, с той поры минуло одиннадцать лет, и девятилетний малыш превратился в зрелого парня. Но для Екатерины он оставался всё тем же милым крошкой, устами которого глаголет истина. А чтобы он выглядел моложе, его тщательно брили и смазывали кремами, подкрашивали ему волосы и завивали их, рядили его в короткие штанишки и чулочки, украшали одежду бантиками и столь любимым Екатериной жемчугом. Ма-

ленький мальчик обязан выглядеть маленьким мальчиком.

— Так освободим рыцаря из тюрьмы? — повторила Екатерина.

— Конечно, освободим, — надула губы Сен-Мор. — Он ведь не виноват.

— Передайте, — приказала королева, — чтобы немедленно выпустили из тюрьмы... как, ты говоришь, его имя, Сандреза? Базиль Пьер Ксавье Флоко?

— Он на свободе! На свободе! — в восторге запрыгал златокудрый херувим, размахивая не очень детскими ручками.

Златокудрый Сен-Мор умел держать своё слово. Да и чего не сделаешь ради поцелуя такой красавицы, как Сандреза?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Великий Карл IX

Любимая королевская гончая Альфа родила щенят и куда-то столь хитро упрятала принесённое потомство, что полсотни слуг, сбившись с ног, не могли их разыскать. И король сам отправился на поиски. И нашёл. В старых портьерах под винтовой лестницей. Сбившись в кучку, в тряпье копошились пятеро слепых кутят. Альфа опять принесла потомство

от беспородного кобеля, потому-то, наверное, и запрятала щенят так тщательно.

— Утопить! — приказал Карл. — Но, клянусь, если и в следующий раз за Альфой недоглядыт, я уже не щенков утоплю...

Короля сбила с мысли отворившаяся в стене потайная дверь. В

который уже раз он приходил в ярость от упрямства матери.

— Неужели вы и впрямь не оставитесь ни перед чем? Срочно сюда Сен-Мора. — Подняв аркебузу, Карл, словно невзначай, направил её на Екатерину.

Королева вскрикнула и сделала шаг назад.

— Не пугайтесь, мадам, — успокоил её Карл. — Я не убью вас столь банальным образом. Но вы зря решили, что моя карта бита. Ваши козни за моей спиной обернутся против вас. Кстати, кто такой Базиль Пьер Ксавье Флоко, которого вы приказали выпустить из тюрьмы? Впрочем, вы всё равно не скажете правды. Но те, кому следует, сегодня же займутся приглянувшимся вам субъектом. Они в подробностях узнают, какое поручение вы ему дали.

Вскинув аркебузу, король выстрелил.

— Вы меня звали, сир, — склонился перед королём великовозрастный малыш в коротких штанишках.

— Мой маленький курчавый дурачок, — проговорил король со сладостью в голосе, — зная вашу верность двору, я поручаю вам чрезвычайно ответственное дело. Проследите, чтобы сменили замки на всех дверях потайных ходов, ведущих в мои личные апартаменты, и изгото-

вили к ним по единственному ключу. Ключи принесите мне. Если у кого-нибудь вновь окажутся дубликаты, вас ожидает смерть. Ступайте.

— Вы не сделаете этого, ваше величество.

— Не сделаю? — переспросил Карл.

— Я ваша мать, — повысила голос Екатерина. — Мой долг в любую минуту прийти вам на помощь. Тем более что ваше здоровье постоянно внушает мне серьёзные опасения. Только по одной этой причине я хочу, чтобы запасные ключи от всех комнат на всякий случай хранились у меня.

— О! — неожиданно воскликнул Карл. — Я нашёл! Вот оно! Я так и знал, что найду! Я предложу нашим врагам гарантию, в которой они не посмеют усомниться. Я отдам в жёны вождю гугенотов Генриху Наваррскому самую блистательную невесту Европы — Маргариту Валуа.

— Нет! — воскликнула Екатерина. — Никогда! Моя дочь никогда не станет женой гугенота!

— Что такое? Вы осмеливаетесь перечить мне, королю? — удивился Карл. — И не опасаетесь последствий? Будет так, как решил я, великий король Франции Карл Девятый!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кресло следующего

Первым на допрос взяли слугу Базилья, верзилу и недотёпу Антонио Лекуша.

В огромной каменной комнате со сводами сидели за столом члены суда.

Антонио указали на табурет.

— Садись.

Антонио пообещали, что он выйдет отсюда живым и невредимым, если во всём чистосердечно признается.

Но в чём он мог признаться, когда ему признаваться было не в чем?

С ним возились больше часа. Он плакал, стонал, ползал на коленях,

но не желал признаться, что к его хозяину Базилью Пьеру Ксавье Флоко тайно приходил посыльный от королевь-матери.

— К моему хозяину никто не приходил, — твердил Антонио. — Мой хозяин хороший.

— Пусть войдёт палач, — потерял терпение судья Таншон, — и покажет Антонио Лекушу орудия пыток. А также приведите в камеру пыток Базилья Пьера Ксавье Флоко и усадите его в Кресло следующего.

Кресло следующего появилось в заведении Таншона по примеру Кресла, установленного в пыточной камере у папы Пия V в Риме.

«Но в чём он мог признаться, когда ему призна-
ваться было не в чем?»

Базиль усадили в Кресло следующего. Антонио подвели к верстаку. Палач Люсьен Ледром, в чёрной маске и кожаном фартуке, показал, как проводится пытка.

— Всё ли тебе понятно, Антонио Лекуш? — спросил судья Таншон. — Ты обязан сказать правду. Открой нам, кто приходил к Флоко от королевы?

— Я не знаю, — ответил Антонио.

— Что он может сказать вам, — вмешался из своего Кресла Базиль, — если ко мне действительно никто не приходил? Подумайте, что вы делаете!

— Начинайте, — кивнул судья Таншон и перекрестился. — Один поворот.

— Ой! — закричал Антонио. — Больно!

— Смирись, раскайся и Расскажи нам правду. Мы ждём от тебя признания, Антонио. Ещё один поворот!

— Сжальтесь! — завопил Антонио. — Помогите! Не нужно! Пожалейте! Мне больно! Очень больно!

— Расскажи нам правду. Мы ждём. Ещё один поворот!..

— Стойте! — закричал Базиль. — Послушайте, что я вам скажу, судья Таншон. Отпустите несчастного. Я никогда не общался с королевой.

— Всё? — поинтересовался судья. — Ещё один поворот!..

— Отпустите! — взвыл Антонио. — Я видел! Я знаю! Я расскажу вам! Скорее отпустите меня!

— Ты видел человека, который приходил к твоему хозяину от королевы?

— Да.

— Он договаривался с Флоко убить кого-то?

— Да.

— Вы слышали, Базиль Пьер Ксавье Флоко? У вас впереди ночь, чтобы подумать. Пытать вас будут завтра утром.

(Продолжение следует)

УВАЖАЕМЫЕ РЕБЯТА!

Думаю, не удивлю вас, сказав, что помимо тех школ, в которых вы сейчас учитесь (будь то обычная общеобразовательная или с математическим уклоном, или, положим, — с углублённым изучением иностранного языка), есть множество школ иного характера, другого назначения. Ведь в широком понимании ШКОЛА — это всё то, что даёт знания, выучку, умение, опыт. Если вы, к примеру, решили преуспеть в танцах, вы идёте в танцевальный кружок; если мечтаете стать первоклассным спортсменом, записываетесь в соответствующую спортивную секцию; если захотели научиться хорошо шить (девочки, конечно!), спешите после уроков в кружок кройки и шитья... То есть и кружок — школа, и секция — школа тоже.

Есть свои школы и у взрослых. Человеку всегда, независимо от возраста, свойственно учиться, постигать новое. Одной из разновидностей таких школ для ваших пап-мам, бабушек-дедушек являются литературные объединения, или, сокращённо, ЛИТО. И сегодня в гостях у «Искорки» члены литературного объединения «Невская застава», которому в мае нынешнего года исполнилось двадцать пять лет.

На занятия ЛИТО приходят люди, пишущие стихи или прозу и желающие достичь в этом нелёгком деле мастерства. Они — не профессиональные литераторы, литературное творчество для них — увлечение. Увлечение, которому отдаётся всё свободное от работы и ежедневных семейных забот время. А профессии, специальности у членов ЛИТО — разные. И сами члены ЛИТО — люди разные: по возрасту, по характеру, душевным привязанностям и склонностям.

Коротко о публикуемых в данном номере авторах: кто есть кто.

Слово предоставляется...

Игорь ПЕТРОВ

ПРОЩАНИЕ С КОНЁМ

Затерялся конь мой в поле,
Глянув тьме в зрачки...
Черногривого искали
В травах
Светлячки,

Отрепённо и басисто
Звал в гречихе
Шмель,
Под луной металась тенью
Птица коростель...

Сам меня нашёл
Торопкий
Вороной мой конь —
Ткнулся мягкими губами
В тёплую ладонь.

Вытянул привычно шею,
Радостно дыша.
Говорю ему,
Чтоб понял,
Как болит душа:

«Ты пойдёшь с другим
В разведку,
Седока в пути
Береги,
Не лезь под пули
И живым приди».

Конь погиб
На переправе
У Студёных вод, —
Только я один и верю,
Что ещё придёт.

Далеко, наверно, очень
Вороной сейчас —
Бесконечно
Зыбь осоки
Разделяет нас.

Но такой уж он
Упрямый...
В розовом огне,
Лишь глаза я закрываю,
Конь бежит ко мне.

Э. М. Пеньковская — пенсионерка; во время войны, в эвакуации, работала колхозным счетоводом, а вернувшись в Ленинград, — секретарём-машинисткой в Книготорговом техникуме.

Г. Н. Кузнецова — инженер-строитель.

И. В. Петров — в самом конце войны был призван в действующую армию. Демобилизовавшись, учился, потом сам учил: преподавал в школе, в институте; по болезни сменил профессию, работает в обувной мастерской.

В. Г. Башмаков — с семнадцати лет служил в Советской Армии, подполковник в отставке.

А. Н. Крюков — поэт-песенник, работник печати.

А. Ф. Красавин — после армии (а служил он на флоте) работал и кочегаром, и модельщиком по дереву, и художником-оформителем; сейчас — электромеханик, ремонтирует лифты.

Как видите, у каждого своя судьба, биография. Биография для поэта — дело важное. На ней, словно на фундаменте, строит он свой стихотворный «дом»: кирпичик на кирпичик — строчка к строчке — стихотворение за стихотворением.

Конечно, познакомить вас сразу со всем ЛИТО «Невская застава» трудно: потребовалось бы много «печатного места», а журнал ваш — не из «толстых», а вопросов, которые вас интересуют, — тысячи. И на все надо непременно ответить. Но мне, старому читателю «Искорки», доподлинно известно: редколлегия вашего журнала стихи любит и знает, вы их тоже любите. Поэтому не сомневаюсь: если стихотворения, которые вы сейчас прочтёте, вам понравятся, журнал ещё не раз предоставит свои гостеприимные страницы и «Невской заставе», и членам других ЛИТО нашего города, давно и по праву признанного городом высокой поэзии.

ЛЕОНИД АГЕЕВ,

руководитель ЛИТО «Невская застава».

Владимир БАШМАКОВ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В субботу, отсидев в плену,
Решили твёрдо меж собой:
Продолжим завтра же войну!..
На утро был назначен бой.
Сначала захватить в кустах
За огородами шалаши!
Там находился «белых» штаб,
Две наши сабли, щит, палаши.
Оружие своё вернуть,
Взять атамана «белых» в плен...
Потом поесть и отдохнуть:
Короткий он — воскресный день.
...Бой дед прервал.

Кисет достал,
Сказал, сев с краешка бревна:
— Несите сабли в арсенал...—
Вздыхнул и прошептал:

— Война...

Александр КРЮКОВ

СВЕРЧОК

Жил у меня сверчок —
Маленький музыкант.
Был он умён, учён,
Был он большой талант!
Много-премного раз
Я подсмотреть хотел,
Где он от наших глаз
Прячется в темноте?
Только за печь к нему
Я загляну — и вот
Сразу во всём дому
Ходиков слышен ход!
Я засыпал — сверчок
Снова тихонько брал
Скрипочку и смычок,
Песенку мне играл...

СУДАК

Вот с рыбалки наконец
Воротился мой отец!
Подмигнув мне,

судака
Достаёт из рюкзака...
Судачок ты судачок,
Ну какой ты дурачок!
На блесну —

себе на горе —
Клюнул в ладожском просторе...
Разве мало там еды
Кроме этой ерунды?

Элла ПЕНЬКОВСКАЯ

МОЙ ПРИЁМНИК

Мой приёмник грамм на двести.
Он всегда со мною вместе,
В кухне, в садике, на пляже,
Иногда и в ванной даже.
И когда мне скучно, грустно,
Подключается послушно
И, как самый лучший друг,
Разделяет мой досуг.
Он ведёт в любые дали,
Развлекает в час печали,
Лучше книги и кино
Открывает в мир окно.

Анатолий КРАСАВИН

ГОРОД ПУШКИН

Цветов весенних частые веснушки
по всем лугам рассыпаны светло,
на электричке еду в город Пушкин,
давным-давно не Царское Село.
Он, как скворечник, весь в листву упрятан,
в нём всюду птицы носятся гурьбой,
украшен щедро он цветным нарядом,
дубовой и кленовою резьбой.
В волшебной тьме его старинных парков
всегда добра живительная тень,
здесь даже в самый знойный день не жарко,
не тяжело в отнюдь не лёгкий день.
И где-то здесь, от глаз людских скрываясь,
кудрявый мальчик бежит с утра.
И Муза в белом,
юная на зависть,
гуляет с ним, как старшая сестра.

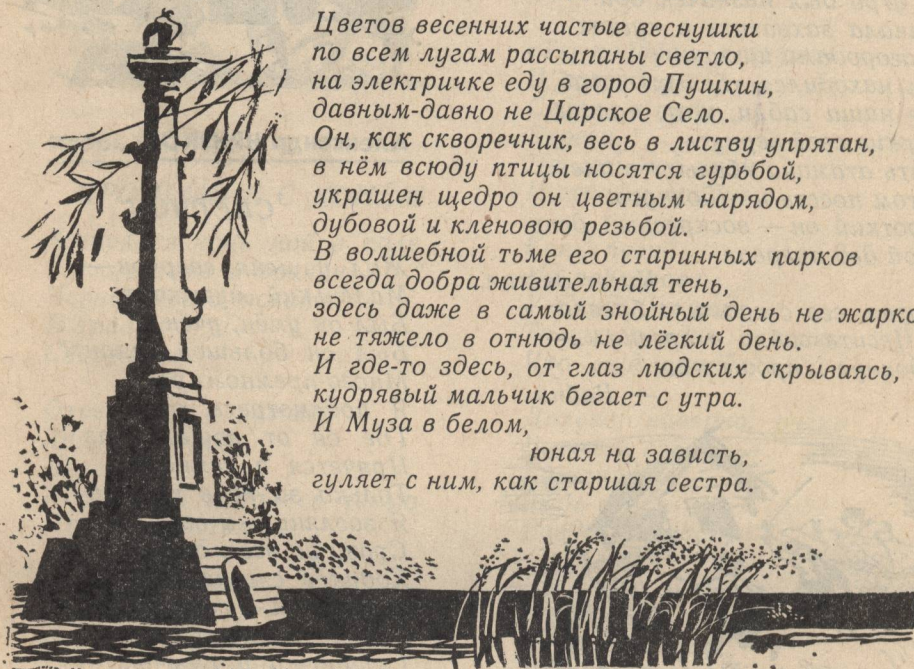

Рис. Л. Московского

Между смекалистами, приславшими ответы на большинство заданий, опубликованных в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 августа.

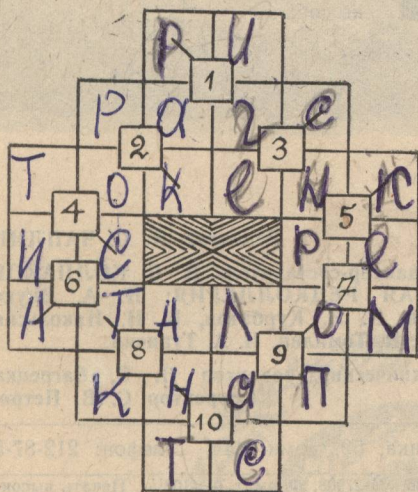
ПО БУКОВКЕ

Путешествуя от буквы к букве, прочтите название одного из первых советских городов, возведённых руками молодёжи (3 очка).

ЦИКЛОКРОССВОРД

Составил Владимир Дмитриев (34-я школа-интернат)

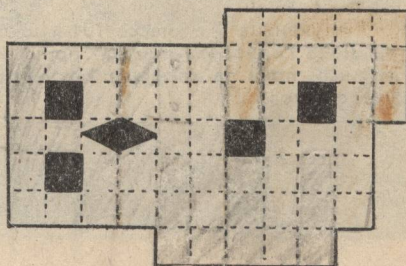
Каждое слово начинается в отмеченной стрелочкой клетке и читается по направлению движения часовой стрелки.

1. Столица союзной республики.
2. Наружный слой дерева.
3. Вид атмосферных осадков.
4. Приспособление для просеивания муки.
5. Столбик породы, получающийся от бурения.
6. Перелётная птица.
7. Крупный водоём.
8. Боевая машина.
9. Драгоценный камень.
10. Обледеневшая корка на поверхности снега (5 очков).

РАЗРЕЖЬ!

Составил Аркадий Емельянов (279-я школа)

Разрежьте фигуру на 5 букв (ширина 3 клетки) и составьте из них имя героя трилогии В. А. Осеевой (4 очка).

МИКРОРЕБУС

Название какого произведения А. П. Чехова зашифровано в этом микробусе? (2 очка).

каштанка 63

КТО Я?

Могу я писать, и строгать, и пилить,
Но стоит на «е» букву «у»

заменить,—

И я потеку, забурлю не смолкая...
Наверно, смекаете: кто я такая?

(2 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

[Ответы к «Искорке» № 4]

ШИФРОГРАММА

«Неразделимы серп и молот» (С. Я. Маршак)

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Ока. 5. Агроном.
8. Бакен. 9. Ветла. 11. Паровоз.
12. Ток.

По вертикали: 1. Укроп. 3. Агрегат.
4. Полевой. 6. Рак. 7. Ель. 10. Молот.

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Космонавт

МИКРОРЕБУС

Новая Ладога.

КТО ПОБЕДИЛ?

Между приславшими правильные
ответы на все задания, опубликован-
ные в «Искорке» № 3, был разыгран
приз (книга). Он достался ученице
3-6 класса 526-й школы Свете Де-
ментьевой.

А ученица 7-г класса 104-й шко-
лы Лена Родионова получит поощри-
тельный приз за хорошее оформле-
ние ответов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вечная заповедь. Миниатюра Ивана Виноградова	1
Петровская набережная. Главы из повести Михаила Глинки	4
Про солдата с мечом. Баллада Виктора Максимова	13
Главный Ванюша. Рассказ Геор- гия Холопова	15
Он ненавидел фашизм. Очерк Валерия Воскобойникова	17
Любовь к географии. Очерк Эду- арда Лиска	20
Маков Цвет. Продолжение сказ- ки Радия Погодина	24
Именем закона!.. Закон и спра- ведливость. Рассказ Олега Данилова	34
Узелок	43
Последнее выступление. Рассказ Риммы Баранниковой	44
Еретик Жюффруа Валле. Главы из романа Константина Кур- батова	50
Слово предоставляется... Стихи Игоря Петрова, Владимира Башмакова, Александра Крю- кова, Галины Кузнецовой, Ал- лы Пеньковской, Анатолия Красавина	60
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рису- нок Кати Сырниковой «Букет».	
На 2-й и 3-й страницах обложки репродукции рисунков Бориса Кож- ина «Пушкину посвящается».	
На 4-й странице обложки рису- нок Маши Заборовской «На выстав- ке собак».	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

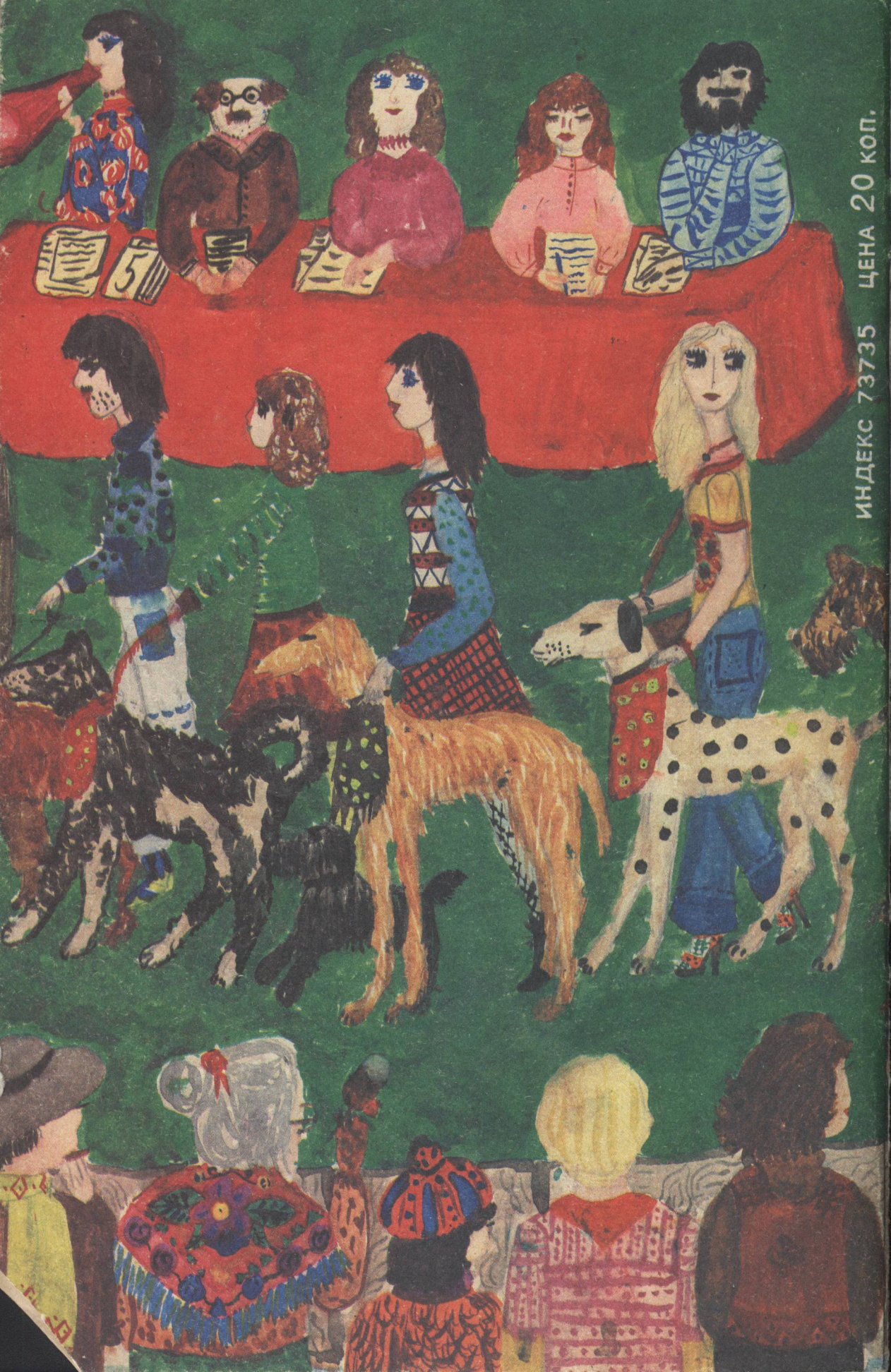
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Суслов, А. Н. Томили, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая.
Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 05.05.86. Подписано к печати 18.06.86. М-27908. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая.
Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,70. Тираж 60 000 экз. Заказ № 444. Цена 20 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59 Ордена Тру-
дового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград. Фон-
танка, 57.

ИНДЕКС 73735 ЦЕНА 20 КОП.